

РАСТУЩИЙ
ОДНОВРЕМЕННО

МИХАИЛ САВЕЛИЧЕВ
ЛАБИРИНТ ДЛЯ МИНОТАВРА

Что нужно, чтобы стать богом?

Михаил Савеличев

Лабиринт для Минотавра

«Снежный Ком»

2020

Савеличев М. В.

Лабиринт для Минотавра / М. В. Савеличев — «Снежный Ком»,
2020

ISBN 978-5-6043755-7-0

Бог безумен, ибо сотворен по образу и подобию человека, чей мозг неудачным экспериментом обращен в сингулярность. Но демиург не обсуждает порученное ему богом дело, он строит новый Эдем для нового человечества. Вот только человек, возомнивший себя богом, и его демиург, считающий себя человеком, не могут творить из ничего. И последний в Солнечной системе знаток старинной научной фантастики готов предложить самозваному Творцу то, что тот жаждет получить.

ISBN 978-5-6043755-7-0

© Савеличев М. В., 2020

© Снежный Ком, 2020

Содержание

Книга I. Явление Корнелия	6
1. Великая Мать	6
2. Падающие звезды	9
3. Контрольный звонок	12
4. По ту сторону	16
Книга II. Ткач восстания	20
1. Прибытие	20
2. Доктор Панглос	23
3. Примарка	25
4. Брут	27
5. Боец	29
6. Красное кольцо	31
7. Фабрика	33
8. Огневик	35
Книга III. Феодоровский процесс	37
1. Санаториум	37
2. Восстановление	39
3. Вергилий	41
4. Судилище	43
5. Вердикт	45
6. В свои разрушенные тела...	48
7. Саломея	50
8. По следу	52
9. Возвращение памяти	54
10. Ночной визит	56
11. Нить	58
12. Четвертый отсек	60
13. Харон обратно не перевозит	62
Книга IV. Лапута	65
1. Тритон	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Михаил Савеличев

Лабиринт для Минотавра

Ветхозаветный киберпанк

(Автор благодарит Сергея Шикарева за придуманный им жанр – «ветхозаветный киберпанк», в котором и написан данный роман.)

*На Венере, ах, на Венере
Нету смерти терпкой и душиной,
Если умирают на Венере –
Превращаются в пар воздушный.*

Н. Гумилев

*...И сотворил человек бога по образу и подобию своему.
Теогенезис*

Книга I. Явление Корнелия

1. Великая Мать

Отсюда, с обрыва, находка выглядела огромным медным куполом, покрытым разводами патины. Казалось, кто-то укрыл в глубинах почвы колоссальный шар, хотя, насколько знала Пасифия, формой предмет больше походил на асимметричный эллипс с заостренным концом. Но в чем заключалось его содержание, а тем более суть, никто, конечно же, пока не ведал. находка вызвала прилив любопытствующих и создала море неудобств как для ведущих раскопки, так и для обитателей поселка, привыкших к размеренной жизни их тихой заводи. Жалобы и взывания к совести результатов не возымели. Случился естественный отлив интереса к находке, усугубленный тем, что ультразвуковое сканирование обнаружило – артефакт, или как его называли сами археологи – «анклав», имеет столь чудовищные размеры, что пришлось бы смыть значительную часть леса и ликвидировать близлежащие поселки, чтобы поднять его на поверхность земли. Никто, естественно, на подобные материальные и моральные траты идти не собирался, раскоп законсервировали, а встревоженных жителей окрестных поселков успокоили, заверив, что никакое переселение им не грозит.

Постояв на обрыве еще немного, Пасифия вернулась в лес. Погода выдалась подходящей для прогулки – моросило, между деревьев плавали облака тумана, под ногами разливались лужи, и Пасифия в них с удовольствием наступала. Она пожалела, что взяла зонт, – светило утонуло в низких плотных облаках до самого вечера, когда ветер с побережья разорвет их в клочья, открывая небо настезь. Зонт цеплялся за кусты, ветви и лианы, повисшие сытыми червями, и Пасифия пыталась поудобнее пристроить его то на плече, то под мышкой, а то и просто волочить за собой, пока все же не нашла для него нужное положение. Можно использовать его как опорную палку! Зонт если и не помогал, то, по крайней мере, не мешал впитывать прелести послеобеденной прогулки. Когда изогнутая рукоять удобно слилась с держащими ее пальцами, Пасифия ощутила себя не то бывалым мореходом, не то бодрящейся старухой, утекшей от чрезмерной, на ее вкус, опеки медперсонала Санаториума, дабы доказать неведомо кому, будто она еще ого-го-го!

Телониуса на вас не хватает, подумала Пасифия, вот ему никогда не удавалось примириться с несовершенством окружающего мира, из-за чего и отправился на свою жуткую Венеру превратить непригодное для существования пекло в приятную для жизни и работы заводь, и как знать, – успокоится он на этом или возьмется за преобразование иных планетоидов? Как называют подобных ему? Демиургами?

Пасифия не заметила, как далеко позади остались утопанные дорожки и ухоженные участки леса, почва раскиселилась, поглощая ступни до щиколоток, а затем выше и выше, подбираясь до икр, а справа и слева зеленели не лужи, а самые что ни на есть озерца и болотца. Но протянутые по чащобе паучьи нити – за одну из них Пасифия тут же ухватилась – не позволяли заблудиться. Разве что забрести в совершенно непроходимые места. Затем путь преградила чащоба упавших и покрытых длинными водорослями мха стволов, и Пасифии волей-неволей пришлось остановиться – на этот раз она превзошла саму себя, кажется, все-таки потеряла дорогу. Вокруг с треском шмыгали стрекозы, порхали бабочки всех размеров и расцветок. На ближайшем стволе пристроился скорпион умопомрачительных размеров, из тех, что называют «минотаврами», угрожающе задрал хвост с жалом и выставив в сторону Пасифии клешни. На хвосте проступила желтоватая капля яда.

Пока Пасифия раздумывала – не ткнуть ли скорпиона зонтиком, должен ведь тот согдаться на что-то еще, кроме как служить посохом заплутавшего странника, – внезапный рез-

кий звук прорезал тишину и покой чащобы, скорпиона словно водой смыло, а Пасифию окутал вихрь испуганных бабочек. Она отмахнулась от глупых чешуекрылых, однако ощутила знакомый зуд между пальцами. Когда мельтешение понемногу рассеялось, Пасифия огляделась по сторонам в поисках источника незнакомого звука и столь знакомого зуда.

Кто-то в поселке клялся, будто видел в здешних чащобах странную личность, выводящую рулады на самодельном древесном органе. Если честно, Пасифии очень хотелось в подобное поверить, на одной из прогулок встретить таинственного музыканта и насладиться давно неслышимыми ею переливами воды и шумом древесных соков, резонирующих под пальцами и палочками органиста, но сколько она не совершила выходов в лес, а встретиться с загадочным органистом не удавалось. Но сейчас ей почудилось, что чувствует знакомые волны ноктюрна «Благовест», однако это оказалось всего лишь каплей очередного приступа дождя из низких туч. Впрочем, по тем же слухам выходило, будто органист выводит рулады не в одиночестве, что выглядело бы весьма романтично, а в компании громадного первопроходческого робота, охраняющего хозяина не только от норových наползти скорпионов и прочей нечисти, но и от нескромных взглядов и ушных отверстий. Однако в последнее верилось совсем с трудом, как и в то, будто у лесного музыканта напрочь отсутствует голова, а вместо нее зияет черная бездна, но это совершенно ему не мешает играть.

– Так-так-так, – сказала Пасифия, впервые за время пребывания в лесу нарушив молчание. – И что бы это значило? – Едва ли рядом мог находиться некто, ею незамеченный, готовый дать ей, Пасифии, страннице с зонтом, необходимые пояснения.

Как ни удивительно, но ответ Пасифия получила сразу – сквозь непролазный на вид бурелом протекла и встала перед ней во весь огромный рост Великая Мать. Пришлось попятиться, уступая ей место, хотя места имелось в избытке, но Пасифии меньше всего хотелось находиться в такой близости от выплывшей из глубин леса фигуры. Великая Мать была как Великая Мать – вчетверо превосходя по росту Пасифию, которую никто не решался назвать существом хрупким, и вчетверо – по ширине, хотя опять же никто не осмелился укорить Пасифию в излишней стройности. В остальном Мать выглядела не ахти, что не удивительно. Если учесть скудную населенность здешних мест, издревле отведенных под сугубо служебные нужды обитателей, в массе своей предпочитающих и более теплый, и более влажный климат экваториальной зоны. Нет, все положенное у Великой Матери наличествовало: могучие складки в подходящих местах, татуировки и шрамы замысловатыми узорами разбегались по коже. Но в остальном она своею неухоженностью вызывала у Пасифии неуместное сочувствие, пожалевшей о забытом походном косметическом инструменте, хотя когда она собиралась, ее взгляд омыл коробку из темного дерева и накатила мысль – а не взять ли ее с собой на прогулку. Поколебавшись, выбрала зонт, это казалось и прагматичнее, и не столь экстравагантно как тащить в лес набор гребешков, ножниц и пилочек.

Вот здесь и сейчас они бы ей не помешали, а помогли привести хоть в какой-то приличный вид Великую Мать, она разглядывала Пасифию круглыми выпученными глазами, по цвету неотличимыми от яда на жале скорпиона. Расчесать обильно сдобренные зеленоватой присыпкой моховых спор свалывшиеся волны волос, в них застряли сучки, кора дерева, разноцветные личинки каких-то насекомых, подпилить и подстричь ногти, выковырив из-под них темно-зеленую кайму грязи. Да мало ли что еще! У Пасифии ладони зачесались от несвойственной ей жажды косметологической деятельности, но Великая Мать, поняв, что встреченное ею существо находится здесь случайно, а отнюдь не для того, ради чего она, Мать, выплыла из чащобы, стремительно вытянула руки, обхватила Пасифию за плечи и осторожно отставила в сторону, будто чашку, стоящую не на месте, и пошла дальше, издавая урчание.

От прикосновения ладоней Великой Матери Пасифия чуть не вскрикнула – настолько они показались горячими. А когда огромная фигура скрылась за деревьями, не нашла лучшего, чем направиться за ней. Учитывая ее гипостазис, легко можно было догадаться, зачем она

появилась в такой близости от поселка. Следуя отпечаткам ступней Великой Матери, Пасифия перебирала по памяти соседей, которым мог потребоваться визит гостя из леса. Когда уже решила, что это несомненно должна быть Астея, чей животик в последние недели весьма округлился, хотя вблизи не наблюдалось ни единого соискателя отцовства будущего потомства ввиду склочности виновницы грядущего торжества, она вдруг вышла на илистый берег озерца.

На первый взгляд, озерцо как озерцо – бесчисленно их разлито вокруг поселка, и еще больше там, куда не ступала нога даже весьма праздного странника. Подернутая островками ряски поверхность, легкий дымок, в нем клубилась вездесущая мошкара, а глубина такая, что вода казалась черной. Однако к берегу вело несколько тропинок, отнюдь не звериных, а самых что ни на есть разумных существ, в густой, жирной почве имелись отпечатки ног. Голых ног. Великая Мать уверенно ступила на одну из тропинок, замерла, будто колеблясь – идти / не идти, полуобернулась и посмотрела на Пасифию. Руки ее слегка приподнялись и сделали весьма прозрачные жесты, приглашая преследовательницу стать провожатой, то есть обойти Великую Мать и первой погрузиться в родовые воды.

– Нет-нет, что вы, – прошептала Пасифия, – я для подобного чересчур стара, Великая Мать.

Величественная фигура вряд ли расслышала ее слова за шумом леса, но поняла жесты, кивнула и продолжила путь. Тут бы Пасифии, утолившей жажду любопытства, тоже окунуться в собственные дела, кои явно не находились в глубинах родового озера, а терпеливо поджидали в поселке. Но она, будучи существом, которое никогда не удовлетворится первым глотком, а немедленно сделает второй, все же ступила на скользкую дорожку и, опираясь на ручку зонта, медленно-медленно, чуть ли не на цыпочках пошла к заросшему камышом берегу.

Когда кончики пальцев ног, перепачканные глиной, коснулись горячей воды, Пасифия вытянула шею и долго-долго смотрела туда, где свершалось таинство. Обнаженные тела, словно налитые светом, просвечивали сквозь толщу вод, а приповерхностный слой кишел отпрысками. Великая Мать погрузилась в озерцо по пояс и производила непонятные пассы, будто разгоняя мошкару, а один из отпрысков ткнулся в ноги Пасифии, застрял на мелководье, и ей пришлось наклониться, чтобы осторожно столкнуть его обратно.

Разглядеть лица покоящихся в озере не удалось, хотя она готова была поклясться – среди них ни единого знакомого, ибо женская половина поселения вряд ли привержена подобной архаике.

«Возвращенцы», – решила Пасифия и невольно посмотрела вверх, будто надеясь разглядеть за плотным пологом леса небо. Словно дожидаясь только ее взгляда, полог на мгновение разошелся по шву, обнажив черную с золотыми блестками подкладку, и нечто мелькнуло над верхушками деревьев, похожее на огромную медузу с округлым куполом тела и пятью толстыми отростками. Посмотрев ей вслед и решив, что дивное создание направилось как раз к поселку, Пасифия, досыта нахлебавшись небольшим приключением, двинулась прочь от озера.

2. Падающие звезды

Пасифия сидела на веранде, пила чай с вареньем из ламинарий и считала падающие звезды.

Сегодня их оказалось особенно много. Она сбилась на четвертой четверке, вновь принялась считать и опять сбилась. Огненные линии прочерчивали сумеречное небо, сгущаясь там, где располагался один из крупнейших космопортов.

В остальном вечер ничем не отличался от подобных вечеров, когда она возвращалась, принимала душ, натягивала домашнее одеяние и садилась в седалище-качалку у столика. Там, благодаря заботам домашнего кибера, уже пыхтел самовар, а над блюдцем с вареньем с тяжелым гудением барражировала пчела.

Светило делало вид, что клонится к закату, обитатели поселка делали вид, будто ему верили, поэтому утопающие в зелени домики погружались в предночную дрему, когда ложиться спать вроде еще рано, а продолжать вести активную жизнь вроде и поздно.

Пасифия зачерпывала ложечкой варенье, делала мелкие глоточки питья, кивала редким прохожим. Возможно, необычный вид вкушающей вечерний покой Пасифии и стал причиной того, что один из проходящих на приветственный кивок столь же приветственно кивнул, но не пошел и дальше по своим делам, а остановился и принялся разглядывать ее с откровенным удовольствием. Во рту он держал самый обычный леденец на палочке – круглый, полосатый, их обожают отпрыски, и, судя по тому, с каким удовольствием причмокивал, то и он не чурался этого лакомства. Прохожий извлек леденец изо рта, с преувеличенным вниманием осмотрел его слоистую округлость и лишь затем произнес, как бы между прочим:

– Прекрасно выглядите, Пасифия.

Пасифия только теперь признала Корнелия, жившего на другой стороне. Поначалу он показался ей совершенным незнакомцем. Удивиться она не успела, память услужливо вынесла на поверхность – Корнелий появлялся наездами, но, кажется, здесь Пасифия колебалась, их так и не представили друг другу. Скорее всего нет. Разве что обменивались кивками при случайных встречах.

– И вам здравствуйте, Корнелий. – Пасифия зачерпнула ложечкой варенье и отогнала пчелу. – Хотите пить?

Вопрос вежливости, не более. На такой обычно принято отговариваться морем домашних дел, требующих неотложного внимания. Но Корнелий, к удивлению Пасифии, не отказался, и вот он опускается в плетеное седалище, в нем устраивается, закидывает ногу на ногу и, в свою очередь, вопросительно смотрит на Пасифию, слегка улыбаясь. Только теперь она сообразила – что не так на ее гостеприимном столе. Пришлось подняться и сходить на кухню за чашкой, блюдцем и ложечкой для гостя. Коробку, которую держал под мышкой Корнелий, пристроил на краю стола, так, чтобы не мешала угощаться.

Когда его обеспечили всем необходимым для расслабленного времяпрепровождения, а именно – питьем из заварочной емкости, кипятком из самовара и вареньем из банки, пришло время приятной беседы. Пасифия неожиданно для себя самой рассказала Корнелию о прогулке на археологический раскоп и увиденной собственными глазами загадочной находке.

Однако история, похоже, не слишком заинтересовала гостя, он лишь вежливо кивал, прихлебывая из чашки и зачерпывая ложечкой варенье, поглощал он его удивительным способом – подносил ложечку ко рту, макал в нее палец и тщательно его облизывал.

– Иногда мне кажется, весь этот мир – огромный анклав, где кишат головастики и воображают себя людьми, – пробормотал он. Но поскольку Пасифия не поняла, что гость имел в виду, а также учитывая, что сказанное, скорее всего, никому конкретно не предназначалось, она сочла за благо перевести разговор на самого Корнелия.

– Чем занимаюсь? – не слишком вежливо переспросил Корнелий, будто Пасифия чересчур витиевато задала вопрос, так что потребовалось дополнительное уточнение. – Видите ли, Пасифия, у меня изрядно занятий в вашем мире. Можно сказать без излишнего преувеличения, приходится заниматься всем, что встретится на пути или попадет под руку. Этаким мастер на все... гм... руки и прочая, прочая... Но, если добираться до сути, а именно суть вас, судя по всему, интересуется, то я – гончар по братству. И как гончар по братству, обязан примеривать на себя тысячи лиц, чтобы лучше... гм... скажем шершаво, лучше исполнять возложенные на себя обязанности.

Словно в подтверждение слов гостя по улице прошествовал гипостазис, похожий на нелепую кривую башню, собранную из первых попавшихся под руку кухонных принадлежностей и приборов, причем вершину его увенчивала кипящая емкость, издававшая длинные пронзительные свистки. Гипостазис произвел на Корнелия необычное воздействие – гончар съехал в седалище, подобрал ноги, напрягся, точно в любое мгновение готовый выпрямиться пружиной, скакнуть через перила и смыться.

– Гипостазис чепухи, – не удержалась от ядовитого укола Пасифия. – Он вам хорошо известен, гончар?

Однако гость полностью приплыл в себя, вновь перетек в расслабленную позу и сообщил как ни в чем не бывало:

– Пустил семью пожить. Из этих, знаете ли, возвращенцев... Милая семейная пара и тройка шумных отпрысков, по которым интернат плачет.

– Неужели? – подняла брови Пасифия. – Они и сюда доплыли?

– О да! – Корнелий хлопнул ладонями по коленям. – Поток нарастает с каждым днем, сами видите – какая сегодня активность. – Он кивнул на зарево от падающих звезд. – К вам приходил наш любезный Панкрат с просьбой дать временную пристань?

Пасифия зачерпнула варенье, отработанным плавным движением отогнала пчелу. Запила кислотоватую сладость крошечным глоточком питья.

– Во-первых, я живу здесь с сыном, – веско сказала Пасифия со всеми полагающимися жестами, словно Корнелий, взяв на себя обязанности старосты, примеривался к ее заводи на предмет стеснения парочкой семей возвращенцев. – Во-вторых, насколько я извещена по Информаторию, возводятся новые обиталища для таких, как они. Почему бы возвращенцам, вместо летаргии в захолустье, не уплыть на ударные стройки? К тому же...

– Они уплывают, – торопливо вставил Корнелий, видя, что поток аргументов со стороны Пасифии далеко не исчерпан. – Но, уважаемая Пасифия, вы не очень их жалуете?

– Мой сын на Венере, – несколько раздраженно сказала Пасифия. – И возвращаться не собирается. По крайней мере, пока не выполнит свою работу.

Известие об этом оказало на Корнелия столь же непонятное воздействие, как и скрывшийся из виду гипостазис, – он сел прямо, воззрился на Пасифию с нескрываемым изумлением, несколько раз открыл и закрыл беззубый рот, и даже его коробка оказалась подхвачена со стола и прижата к груди, словно он собрался немедленно, не попрощавшись, дать с веранды деру. Однако самое удивительное произошло с физиономией, по которой волнами прокатились маски, подтверждая шутку про тысячу лиц. Вот он крепко сбитый молодец, затем молодая, но жутко тощая женская особа, а затем и вовсе отпрыск с копной густых волос. Но необычное действие продлилось еле уловимое мгновение, и Пасифия убедила себя, что это на нее наплыло некое помутнение, став причиной столь причудливого метаморфоза.

– Обмениваетесь с ним сообщениями? – Корнелий все так же сидел в своей обычной позе, прихлебывая и вкушая. А заодно отгоняя пчелу.

Пасифия помахала рукой:

– У меня есть волнофон. Вот по нему он и звонит. – Поколебалась, но не без гордости уточнила: – Каждый день звонит, и я полностью в курсе его дел.

– Но ведь это, наверное, неудобно? Задержка волны... Сколько приходится ждать ответа? – И вновь Пасифию окатило ощущение, будто столь невинный вопрос имеет скрытую глубину, весьма для Корнелия важную. Ощущение не из приятных, словно потеря дна под ногами. Она жалела, что столь неосмотрительно допустила на порог пристанища весьма подозрительную личность.

– Никаких задержек нет, – отрезала Пасифия.

– Ах ну да... Конечно же. – Корнелий зачерпнул еще варенья, но не отправил в рот, а стал наблюдать, как над ложкой барражирует пчела.

Когда Пасифия решила, что Корнелий испил запас бесцеремонных вопросов, он вдруг сказал:

– Я слышал краем уха, будто вы, Пасифия, были весьма известной пианисткой.

От этих слов ей захотелось выпроводить гостя если не шваброй, то холодным указанием – пора и честь знать, уже поздно, а ей, Пасифии, рано вставать. Причем Корнелий должен сразу осознать – причиной столь холодного тона являлись не усталость (что, впрочем, отчасти правда), не предстоящий ранний подъем (тоже правда, ибо Пасифия та еще лежебока), а последняя фраза. Корнелий нарочито или ненарочито оборвал тонкие ниточки взаимной симпатии, успевшие протянуться между ними, и на будущее ему лучше миновать ее пристанище без жестов дружбы и добрососедства.

Закипая гневом, Пасифия уперлась кулаками в колени, собираясь подняться, но Корнелий окатил еще более вопиющей неучтивостью:

– Сам я не особый любитель, знаете ли, но с удовольствием послушал бы что-нибудь в вашем исполнении. Рояль у вас, наверное, имеется?

Пожалуй, только практика личностной интроспекции заставила Пасифию остаться сидеть и в ходе экспресс-анализа вынесенных за скобки впечатлений выявить в них нечто, что ей совершенно не понравилось их чужеродностью и неадекватностью. Корнелий ее провоцировал, но поддаться и выдать ожидаемую им реакцию – верх непрофессионализма даже для такого весьма посредственного феноменолога, каковым Пасифия себя считала.

Она порылась в кармане, выложила на стол кiset и принялась набивать глиняную трубочку. Что еще может служить хорошим дополнением к питью с вареньем из ламинарий, теплomu вечеру, плавно перетекающему в не менее теплую ночь, да еще к собеседнику, столь ловко оказавшемуся здесь. Пасифия не сомневалась в неслучайности возникшего между ними знакомства.

– Рояль у меня имеется, Корнелий, но я давно не играю. Лучше послушаем вечернюю тишину, если не возражаете.

Гость усмехнулся и кивнул.

Тогда и Пасифия, в отместку за бесцеремонность гостя, потянулась к коробке, которую Корнелий принес с собой и вроде бы совершенно о ней забыл, постучала по ней ложкой и поинтересовалась:

– Что там такое?

Корнелий покосился выпуклым глазом, лениво сморгнул и ответил вполне, как показалось Пасифии, серьезно:

– Люди. Там у меня целый мир людей, Пасифия.

При этом он возложил на коробку ладонь, чтобы чересчур любопытная Пасифия не приподняла крышку и не заглянула внутрь.

3. Контрольный звонок

Ночью Пасифию разбудил звонок. Волнофон находился внизу, где она устроила временно лишенного пристанища Корнелия. Пришлось накинуть на плечи паутинную шаль и спуститься из спальни по отчаянно скрипучей лестнице. Волнофон продолжал булькать, но Корнелий ничего не слышал, весь закутавшись в одеяло и еще зачем-то положив вторую подушку на голову. Его таинственная коробка лежала на столике, и Пасифия, подхваченная внезапным приливом любопытства, отклонилась от первоначального маршрута, справедливо рассудив, что звонящий должен понимать – кому, куда, а главное – когда звонит, а потому может подождать, и с усмешкой обнаружила, что в коробке некогда распространенная биомеханическая игрушка «Лабиринт Минотавра». Такой забавлялся маленький Телониус во время выступлений Пасифии. Она приподняла тяжелую крышку, сняв с нее кругло-слоистый леденец – гость, видимо, припас его на утро, – и заглянула внутрь, с невероятной высоты увидев далеко внизу запутанные коридоры лабиринта, по ним двигались фигурки, преследуемые Минотавром. Судя по всему, Корнелий остановил игру в наиболее безнадежной позиции, когда следовало кем-то пожертвовать, скормить чудовищу, рожденному от связи бога и простой смертной, и тем спасти остальных.

Словно ощутив близость чересчур любопытной хозяйки, Корнелий завожился под одеялом и подушкой. Пасифия торопливо прикрыла крышку и на цыпочках пробежала к волнофону.

Она подняла тяжелый аппарат и перетащила в комнату, где стоял зачехленный рояль. Именно на него водрузила волнофон, уселась на вращающееся сиделище и ткнула в отверстие приема.

– Я вас не вижу, – сказала Пасифия в молочную пелену экрана.

– Прости, постоянно забываю. – Пелена рассеялась, и выплыло знакомое изображение. – Здравствуй, мама.

Телониус.

Пасифия смотрела на его иссохшее лицо, ввалившиеся щеки. Ей хотелось притронуться к нему даже сквозь экран, но она сдержалась. Лишь плотнее закуталась в шаль. Экран был слегка поврежден – неуклюжая Пасифия сама уронила прибор, но так и не починила, благо волнофон работал как ни в чем не бывало, разве что трещина змеилась по изображению Телониуса.

– Здравствуй, сынок.

– Опять я не вовремя, – сказал озабоченно Телониус. – У вас ведь глубокая ночь?

– Это не важно. Важно, что ты позвонил.

– Контрольный звонок, мама. Как всегда.

– Да, контрольный звонок, – кивнула Пасифия. – Каждый день, в крайнем случае, каждые два дня где бы ты ни был...

– ...ты должен отыскать волнофон и позвонить маме, – продолжил с улыбкой Телониус. – Можно даже ничего не рассказывать, просто сказать, что с тобой все в порядке...

– Маме этого вполне достаточно, – завершила Пасифия фразу, которую твердила сыну с тех самых пор, когда он переехал в интернат. И с тех самых пор Телониус никогда не пропускал контрольных звонков. Где бы он ни был – здесь или там. – Как дела на Венере?

Телониус помолчал, посмотрел куда-то в сторону, будто рядом находился кто-то еще, при ком он не желал говорить, но все же сказал со вздохом:

– Скорее всего, проект закроют... Нас уже попросили подготовить предложения по консервации терраформовочных фабрик... Меня известили, что призван ткач восстания...

– Но почему?! – вырвалось у Пасифии. Превратить Венеру из адского пекла в райскую заводь – дело всей жизни Телониуса. Сколько он вложил в его разработку, а затем убедил скептиков, что это – не беспочвенная фантастика, а вполне реальный проект. И вот.

Телониус опять посмотрел в сторону, ощупал карманы куртки с шевроном демиурга и достал карточку.

– Вот, сделано несколько дней назад. – Поднес карточку к экрану.

Мгновенный отпечаток – мутный, расплывчатый. Кажется, стена, на ней размашистая надпись: «Главное – на Земле».

– Главное – на Земле? – непонимающе произнесла Пасифия. – Где это?

– Выжжено лазерным резаком на стене терраформовочной фабрики в районе Голоконды. – Телониус убрал карточку в нагрудный карман. – За последнюю ротацию из проекта утекли сотни работников. Улетают обратно. Под благовидными предложениями, а чаще без них. Хотел бы я создать не пригодное для жизни пристанище, а более послушное общество.

– Не знаю, что и сказать. – Пасифия провела рукой по влажной ткани, покрывающей рояль. От долгого простоя инструмент подтекал. Ей на какое-то мгновение вдруг стало радостно. От того, что проект закроют и Телониус вернется к ней. Сколько он там? Но так и не нашел времени прилететь. А потом Пасифии стало стыдно за подобные мысли.

– Этим охвачено все, – пожал плечами Телониус. – Почему возвращенчество должно миновать нас? Даже Брут меня предал, а ведь был самым первым... самым верным... я сотворил его собственными руками, и вот все, чего касаюсь, обретает несовершенство, отягощенность... Что на это возразить? – Он хлопнул по карману, там лежал отпечаток.

– Но ведь это не так, – сказала Пасифия. – Здесь – водоем, но нельзя всю жизнь прожить в пруду.

– Ах, мама, – засмеялся Телониус. – Кстати, ты откуда со мной говоришь? – Он попытался заглянуть ей за спину.

– Из музыкальной. – Пасифия подвинула волнофон, чтобы Телониусу стал виден краешек рояля. – Редко сюда захожу, но сегодня как-то так получилось... – Про Корнелия не хотелось говорить.

Они помолчали, разглядывая друг друга.

– Что там у тебя? – в свою очередь спросила Пасифия, чтобы скрасить неловкость умолчания о незваном госте. – Какие-то рога...

Телониус оглянулся, потянулся и продемонстрировал жутковатого вида маску:

– Всего лишь шлем от скафандра высшей защиты для выхода на поверхность Венеры.

– Ужасно, – поежилась Пасифия.

Телониус усмехнулся.

– Сыграешь мне? – вдруг попросил он. Пасифия сжала пальцы, сминая ткань, укрывшую рояль.

– Но...

– Давно не слышал живой музыки, – сказал Телониус. – У нас бездонная аудиотека, но все на лентах. Сплошь музыкальные консервы.

Пасифия откинула крышку, провела ладонями по клавишам. Сколько она не играла? Неужели с тех самых пор? С тех самых пор, когда...

– Я, наверное, разучилась, – попыталась отговориться.

– Мама, это как плавать, разучиться невозможно.

– Ну, спасибо за сравнение. – Пасифия улыбнулась. Тронула клавиши.

– Ты была гениальной пианисткой, – тихо сказал Телониус. – Я слушал записи...

– Это было так давно, что кажется... кажется неправдой. – Пасифии невыносимо захотелось курить, но Телониус не одобрял ее привычки. – Гениальная пианистка закончилась, остался посредственный феноменолог.

Телониус потер ладонью щеку. Этот жест она помнила с того времени, когда он был еще совсем маленьким и даже не ходил в садок.

Пасифия не выдержала. Достала из вазы спрятанную пачку, чиркнула спичкой.

– Мама, – сказал Телониус, и ей показалось, что он устроит ей очередной сыновий выговор. О вреде курения. Но он сказал другое:

– Надо завершать сеанс, мама.

– Понимаю, у тебя много дел. – Пасифия мимодумно нажала черную клавишу. Отдернула руку, будто обожглась. Но Телониус услышал.

– Тебе надо попробовать. Вдруг получится?

Волнофон продолжал работать на мертвом канале, отбрасывая неяркий свет на клавиши. Глаза привыкли к скудному освещению. Пасифия сжимала и разжимала пальцы, внимательно их разглядывая.

Руки.

Пальцы.

Величайший инструмент превращения мира идеального в мир физический. Сколько времени потребовалось эволюции создать столь великолепный инструмент, без него разум прозябал бы в мире бестелесных идей. Мысль – руки. Идеи – пальцы. И вот рябь на поверхности разума обретает плоть и вес. И звук.

Но горе, если тончайшая связь нарушена.

Связь между душой и пальцами называется талантом.

Она двигала руками, но подушечки пальцев даже не касались клавиш, скользили над ними. Нет, не из-за спящего Корнелия. Вернее, не только. Громкий храп незваного гостя намекал, что столь крепко спящего не разбудят звуки музыки. К тому же можно запереть дверь и включить волнопоглотитель.

Пасифия боялась. Боялась, что не удержится, сделает еще попытку, обреченную на неудачу. Попытку войти в озеро жизни дважды. И это надолго, очень надолго выбросит из привычного русла дел и забот.

Тебе надо попробовать...

Что она играла тогда? Обычный репертуар... и свой любимый ноктюрн, которым всегда завершала выступление, – «Благовест», как никогда уместнее прозвучавший именно там и тогда...

Ах, Телониус, ты даже не знаешь, о чем просишь. И не понимаешь – какво лишиться всего, что до краев наполняло жизнь. И дело не в овациях залов, не в хвалебных статьях критиков, вообще – ни в чем внешнем. А в жизни. В ощущении себя живой полной жизнью.

Венус-порт. Она была там, когда идея терраформовки Венеры еще только прокладывала себе русло. Станция стремительно расширялась, раздувались новые купола, не поспевая за наводнявшими ее энтузиастами. Каким-то чудом Пасифии и ее импресарио удалось получить номер в общежитии. Он, глядя на окружающую тесноту, шутил, что добровольцы варятся в венерианском котле до состояния готовности. Вечером Пасифия играла для этих молодых, веселых, восторженных.

Именно тогда она и обрела Телониуса...

Импресарио торопил, говорил, что их ждут везде и повсюду, но Пасифия видела глаза и лица тех, кто приходил на концерты, где не хватало на всех сидений, поэтому большинство устраивалось на полу или теснилось у стен. Музыка – тоже океан, необъятная вселенная, в которой обилие неосвоенных и неоткрытых островов и материков. Поэтому Пасифия столь остро переживала свое родство со строителями будущих венерианских пристанищ.

Ее тогда разбудил стук в дверь, и она подумала, что заняла чье-то место и сейчас придется потесниться, впустив в крохотную подсобку, полученную невероятными ухищрениями импресарио, еще пару-тройку венерианцев. Пасифия, проклиная все на свете, в особенности –

тесноту, все же отворила дверь, хотя все в ней противилось этому. На пороге возвышалась под потолок Она... держа в руках сверток, который молча опустила к ногам Пасифии и столь же медленно и величественно удалилась, как умеют делать лишь гипостазисы... Конечно, потом импресарио с пеной у рта пытался убедить Пасифию, что никаких таких гипостазисов здесь быть не может, а все это проделки примаров... Маэстро уговаривал оставить подкидыша на Венере, но Пасифия всегда понимала – при ее сумасшедшем режиме гастролей она никогда не найдет достаточно времени лечь в горячие источники и самой произвести отпрысков. Сейчас или никогда. И выбрала то, что выбрала. К чести импресарио, он быстро смирился с неизбежным и даже выпросил где-то по случаю няньку для Телониуса – огромного робота-первопроходца, давно списанного из экспедиционного имущества. Но сохранившаяся точность движений позволила ему управляться с непоседливым отпрыском...

Закрыв крышку рояля, Пасифия встала, плотнее укуталась в паутинную шаль и шагнула через порог.

Привычный мир исчез.

4. По ту сторону

Она плыла в пустоте и темноте. Свернувшись будто эмбрион в утробе матери. Может, так оно и есть? Может, она – всего лишь зародыш? И предстоит пройти долгий путь превращений, пробежать миллиарды ступеней эволюции, чтобы стать ревущим, пачкающим младенцем?

Нет. Не так. Зародыши не умеют думать. Не могут осознавать себя. Они – заготовки личности, но не сами личности.

Я – это я. Я присутствую в этой пустоте и темноте. Осознаю себя. Осознаю свою телесность. Я даже знаю, как выгляжу. Там, где нет пустоты и темноты.

Я – женская особь. Взрослая. Умная.

Последнее слово – лишнее. К телесности не имеет отношения. Капля лести самой себе. К чему? Перед кем? Ведь вокруг – никого и ничего.

Хочется свернуться еще туже. Но тело не дает. Отнюдь не здоровых пропорций. С излишками. Склонное к полноте.

Дышать? Но ведь дышу. Хотя и чувствую в этом странность. Будто с каждым вздохом вбираю не воздух. Что-то иное. Более плотное.

Жидкость! Да, точно. Перенасыщенную кислородом жидкость.

Никуда без воды. Даже эмбрион плавает в воде. Океанической воде. В воде первоокеана. Из него начинаем свою жизнь. В нем выходим из нашей космической колыбели.

Так где же я?

И где была до этого?

Нет, не смерть. Это точно не смерть. Стучит сердце. Работают легкие. Чувствую тело. Руки. Пальцы. Мои пальцы.

В пустоте возникает легкая волна. Что, если открыть глаза?

Пустота имеет цвет. Багровый.

Есть верх. Есть низ. Мне надо вверх. Уверена в этом. Приходится расцепить пальцы, распрямить тело и сделать несколько движений, нарушив равновесие.

Я плыву. Вверх. Плыву и дышу. Дышу и плыву. Ужасно долго и скучно.

И выплываю. Вырываюсь на поверхность. И не понимаю. И начинаю задыхаться. Откашливаюсь.

Волны. Море. Океан.

Багровый. Вязкий.

Как кровь.

Мир двухцветен. Верх – черный. Низ – красный. Чтобы оставаться на границе между цветами, приходится изо всех сил грести. Похоже на воду. Но только похоже. Волны. Возносятся, опускают. Когда Пасифия оказывается на гребне, она пытается высмотреть берег. И ей кажется, она видит темную полоску. Туда и надо плыть.

Вот только дышать воздухом трудно. Есть выход – вновь погрузиться с головой и набрать в легкие жидкость. Но она не хочет этого делать. В том, что она дышит воздухом, а не жидкостью, – хоть какой-то крошечный шагок... вот только к чему? И от чего?

Толика самостоятельности.

Трудно. Очень трудно. Но сделать его нужно самому. Без посторонней помощи. Как когда-то маленький Телониус... Кто такой, этот Телониус? Мысль накатила, оставила имя и вновь отступила. Без объяснений.

Пасифия плыла. Загребала густую жидкость. Широко разевала рот, вгоняя в легкие скудный, разреженный воздух.

Дыши! Дыши! Глубже!

И когда казалось, что она никогда не доплывет до берега, колени касаются твердого. Руки нащупывают твердь. Она встает. Делает шаг, другой. Голова кружится. Но Пасифия идет. К берегу.

Темнота только кажется непроницаемой. Легкое свечение пропитывает все вокруг. Недостаточно, чтобы увидеть даль, но вполне – близкие плоские слоистые камни.

Вязкая жидкость океана последний раз пытается удержать, а потом с чавканьем отпускает.

Пустынный берег. Черные камни. Еле слышный шорох волн. Вплетается посторонний звук. Нечто трескается. Пасифия добредает до большого камня и тяжело опускается на плоскую поверхность. Смотрит туда, откуда вышла. И ничего не понимает.

Похоже на кадры, наложенные друг на друга. Будто кто-то голографировал ее, а потом спроецировал. Вот она плывет. Вот встает. Вот идет. Десятки, сотни фигур. Овеществленные время и движение. Словно она покрыта сотнями пленок, и с каждым движением они слетали с нее и застыли. Точные копии. Которые разрушаются. Трескаются. Кренятся. Рассыпаются.

Где я?

Кто я?

Почему я?

Сидя, ответов не добыть. Вставать не хочется, усталость уговаривает остаться, но Пасифия пересиливает себя. Когда рушится последняя копия, она поднимается и делает шаг, затем другой, оглядывается. И опять видит застывшие фигуры самой себя. Этого не избежать. Надо привыкнуть. Даже забавно. И зеркала не надо – шаг вперед, поворот, и вот смотришь на себя, какой была мгновение назад. Можешь даже ткнуть, субстанция еще не застыла, не стала хрупкой. Пальцы погружаются в вязкую жидкость.

А затем – невероятное. Смещение, и вот ты внутри предстоящего мгновения и смотришь на себя, которая пытается тебя потрогать. А если повторить? Повернуться к предыдущей фигуре и опять коснуться ее? И вновь – смещение. И ты еще на мгновение назад.

Пасифия смотрит на свои отражения, но возвращаться к камню – там застыла одна из ее фигур – не желает. Делает шаг вбок. Двигается в другую сторону. Время ветвится. Ряд отражений раздваивается. И вновь можно вернуться к развилке, и опять изменить путь.

Только ли направление? Или – время? Мир, в котором время пространственноподобно? Тогда каково здесь пространство? Времениподобно?

Пасифия смотрит на небо, но оно непроницаемо черно. Это не тучи. Это – тьма. Тьма кромешная. Крышка. И ни огонька. Ни звездочки, ни спутника. Металлическое небо, словно Пасифия внутри кастрюли. Приглядишься и увидишь медные заклепки. Анклав. Единственная мера времени, доступная здесь, – накат красных волн на темный берег. Но что если и это – видимость? Всего лишь бесконечный цикл? Пасифия пытается следить за волнами, уловить мгновение, когда их рисунок повторится, но ничего не получается. Чересчур одинаково. Не запомнить.

Тогда – идти дальше. Не обращая внимания на преследующие копии. Даже удобно. Если заблудится, их можно использовать для возвращения в исходную точку.

Вот и время. Каждый шаг приближает к чему-то. Нечто вспыхивает на фоне черноты. Искры. Пасифия поднимает голову и шагает.

Вспышка.

Еще шаг.

Еще вспышка.

Так, теперь остановиться, прикрыть веки и попытаться рассмотреть то, что отпечталось в памяти. Картинка в ней. Нужно только дотянуться.

Конечно! Звезда! Сверхновая! Вспышка, осветившая и ослепившая! Хочется зажмуриться и одновременно впитать каждый квант драгоценной энергии погибшего светила.

А если двигаться быстрее? Например, бежать? Глупость. Но вдруг сработает? Вот и подходящее место. Словно кто-то протоптал дорожку. Словно здесь совершали пробежки, задрало лицо к черноте, чтобы в ней проступили сверкающие огни.

Пасифия несколько раз вдыхает. До чего разрежен воздух. И бежит. Точнее, переставляет налитые свинцом ноги. Воздух обретает упругость воды, затем – твердость камня. Пасифия силится удержать бег. Дыхание разрывает грудь. Становится жарко. И тут же – холодно как в бездне. Казалось бы, подобное невозможно, но ей одновременно жарко и холодно.

Усилия стоят того. Как на фотопластинке проступают пятнышки звездного неба.

Сначала негатив.

Черное на сером.

Затем в одно мгновение – резкая перемена.

Выверт.

Вспышка.

Чужое небо. Совершенно чужое небо.

Небо Ван Гога.

Пасифия не знает, кто такой этот Ван Гог. Но убеждена – его небо.

Крупные диски звезд, вокруг них завихряются световые спирали, расходясь лохматыми концами и сливаясь в межзвездной пустоте потоками искр всех цветов и оттенков.

На такое можно смотреть бесконечно.

Небо – живое!

И близкое!

Протяни руку, и пальцы погрузятся в потоки красок.

Пасифия спотыкается и летит на землю. И только тогда понимает, что камень преткновения спас ее. Иначе – удушье. Она словно вырвалась из петли. Будто кто-то все же повернул вентиль баллона. Воздуха в нем мало, очень мало. Но это лучше, чем ничего. Гораздо лучше.

Встать. И идти. И смотреть. Ко всему привыкаешь.

Что дальше? Нужна цель.

Где она?

Пасифия замирает и видит, как продолжает идти. Несколько Пасифий отслаиваются от нее, будто надуваются мыльные пузыри, дрожат, но продолжают шагать, в свою очередь множась на все новые и новые Пасифии, которые расходятся в стороны, перебирая варианты направления. Некоторые ответвления быстро гаснут, лопаются, исчезают, другие длятся гораздо дольше, скрываясь в запутанных лабиринтах слоистых камней. Она будто в коробке игры у Корнелия... А кто такой – Корнелий? Близкий? Или безмерно далекий? Откуда-то из-за края мира? Что за непонятные мысли...

Неуверенный шаг, но ничего страшного не происходит – она сливается с впереди стоящей фигурой самой себя. Словно лопнул мыльный пузырь. Даже брызг нет. Сзади? Сзади как и раньше – прошлое отвердевает. Оказывается прочнее грядущего.

Путеводная нить ее мыльных пузырей – вот по этому пути она пойдет. Или пошла? Детерминированность или свобода? Хочется испить свободы, Пасифия пытается сделать шаг в сторону, свернуть в боковой проход, но не получается. Курс задан.

Она, будущая, выбрала из целого ряда попыток, блужданий именно его. И не ей, настоящей, оспаривать выбор ее, будущей.

Взбирается на гребень, изредка оборачиваясь, чтобы еще раз увидеть все тот же океан до самого горизонта, багровый океан, из которого вышла.

Над океаном действо.

От черного сгустка спускается сотканная невидимым ткачом тончайшая нить, поначалу еле заметная, но затем все четче прорисовываясь, напитываясь грубой материальности, сворачиваясь в клубки, вновь распрямляясь, делая очередной рывок к поверхности океана. Между

ними невидимая преграда, нечто препятствует черному сгустку забрасывать нить все глубже и глубже, сопротивляется, отталкивает, но раз за разом уступает, и нить ниспадает ниже, ниже. Пасифия различает, что это скорее туго скрученный вихрь, причудливо изгибающийся смерч, червоточина, пронзающая мир и жадно тянущаяся к океану. И жидкость ощущает ее приближение, в глубине возникает тусклое багровое свечение, мельтешение огоньков, похожих на крошечные коконы, эти коконы поднимаются навстречу червоточине, танцуют, толкают друг друга, словно борются за право оказаться первыми на поверхности. А затем смерч касается океана, один из коконов делает рывок и проникает внутрь черноты, становится еле видимым, толчками продвигаясь выше и выше, к черному сгустку. Но в вихре возникают спазмы, он дергается из стороны в сторону, извивается, будто проглоченный кокон ядовит и его надо немедленно исторгнуть обратно, изbleвать. И в конце концов это удается – с громким хлопаньем светящийся кокон падает на берег, неподалеку от Пасифии.

Она не движется, ждет, но от нее отделяются полупрозрачные фигуры, которые расходятся в стороны, затем по искривленным траекториям, будто их притягивает тяготеющий центр, сливаются воедино у бледного кокона, уплотняются. Пасифия внезапно обнаруживает себя там, рядом с ним, протяни руку и дотронешься до рыхлой поверхности. И рука послушно сгребает бледную субстанцию, которая громко чавкает, и Пасифия с брезгливостью отбрасывает ее в сторону. Внутри кокона что-то есть. Плотное, темное. Пасифия руками рвет кокон, разбрасывает в стороны рыхлые, сочащиеся противной жижей куски и видит то, что должна увидеть.

Ты ведь знаешь, что ему предстоит сделать, некто шепчет ей, он не только твой, он мой, мой, мой демиург, но Пасифия не желает слышать голос отовсюду и ниоткуда, она отмахивается, отгоняет его, надоедливую пчелу. Нет у него никакой задачи, никакой цели, предназначения, кроме того, чтобы принадлежать только ей и только ей...

Свернувшееся в позе эмбриона темное существо. Пасифия осторожно касается его гладкой головы, нежно гладит, пытаясь разбудить, но чтобы пробуждение наступило как можно мягче, постепенно уступая уют сна напору бодрствования. Могучее, мускулистое, словно вырезанное из дерева тело вздрагивает, по нему будто пробегает электричество, по каждому мускулу, сочленению, глаза открываются, встречаются взглядом с Пасифией.

– Ма... ма-ма? – с усилием произносит существо, и вместе с клопочущими звуками исторгает потоки темно-багровой жидкости. И вместе с исторжением с ним происходит жуткий метаморфоз, тело разбухает, наливается силой, но самое жуткое творится с головой. Из нее тянутся, вытягиваются рога, а лицо обретает столь уродливые черты, что только глаза матери могут разглядеть в выпученных, налитых кровью буркалах остатки тех искр, которые принадлежали ее сыну.

Книга II. Ткач восстания

1. Прибытие

Внешняя гидравлика оказалась отключена, и когда перепонка люка лопнула, Ариадна получила болезненный толчок в спину. Внутреннее давление почти вышибло из шлюпа, и если бы кто-то не подхватил, лежать ей на поёлах, как выкинутой на берег рыбке.

С головы сдернули дыхательную маску и бесцеремонно сунули в водоприемник, на сленге космонавтов величаемый «блеводницей». А как иначе назвать мучительный и физиологически неприятный процесс избавления легких, а заодно и желудка от перенасыщенной жидкости, которой дышишь во время перелета?

– Спа-си-бо... – ухитрилась проговорить Ариадна между приступами рвоты. Она не видела своего добровольного помощника, так как головой торчала в выдавшей виды «блеводнице», ее вряд ли кто чистил или дезинфицировал в последнее время. Когда-то блестящий раструб покрывали ржавые потеки, а из сливного отверстия воняло так, что еще больше выворачивало наизнанку.

– С вами всё в порядке? – Голос снаружи обретал в раструбе гулкость.

– Да... да, спасибо. – Она сплюнула остатки красноватой дыхательной жидкости и выпрямилась.

Меньше всего Ариадна ожидала обнаружить себя в центре внимания сотен глаз.

– Кто это? – невольно вырвалось у нее.

– Пожалуйста, прошу вас... – тихий, жалкий голос, осторожные касания. – Шлюп... Нам нужен шлюп...

– Дезертиры, – с презрением сказала огромное черное существо.

И тот, кто хватал Ариадну за локоть, не дожидаясь, пока она освободится от управляющих нитей шлюпа и стащит с головы командный шлем, съежился, отступил на шаг. Однако как и прежде протягивал в горестной мольбе руки.

Ариадна наконец-то содрала шлем, пучки нитей истончились, пожелтели. От разрыва связи со шлюпом тело зудело.

– Вы не вправе их обвинять. – Ариадна смотала управляющие нити в клубок и вложила его в молящие руки. – Посадите в шлюп женщин и отпрысков... Но прежде сгрузите гипостазис восстания, он в трюме...

– Да-да, конечно, – забормотал страждущий. – Женщин и детей... гипостазис...

– Воды вам должно хватить, – только и успела сказать в спину уходившего Ариадна и подумала, что, может, именно предвидение этого и заставило ее предпринять рискованный маневр гравитационного разгона в экзосфере светила, максимально сберегая жидкость.

Огромное черное существо с отвращением смотрело, как получивший управляющий клубок побрел по залу, где на полу сидели бывшие работники. Подчиняясь его безмолвным знакам, поднимались женщины, подзывали отпрысков. Никто не решался нарушать безмолвие, разбавляемое лишь гулом атмосферных двигателей. Даже экраны непрерывной трансляции работали с отключенным звуком, по ним ползли черные помехи, и казалось, что вещавший с них не имеет головы, на ее месте зияла чернота.

– Демиург терраформовки Венеры Телониус. – Черный гигант повернулся к Ариадне. – Но вы это знаете.

Сопровождавший его охранный робот, превосходивший демиурга высотой и шириной, шевельнул верхней парой конечностей, и Ариадне почудилось, будто это он говорит с нею.

– Ткач восстания Ариадна, – в тон ответила она. У нее текло по языку добавить, что и Телониус это знает – кто еще мог прибыть на шлюпе с орбитальной базы вне расписания, да еще так просто распорядиться кораблем. – Сколько здесь работников?

Телониус процедил:

– Здесь нет работников. Только возвращенцы. И какая разница – сколько? Все они – лишние.

– Когда возвращенцев направляли сюда на работу, вы не считали их ни лишними, ни обузой, – заметила Ариадна в широченную спину Телониуса, двигаясь вслед к выходу из зала.

– Они знали ценность этой работы – миллиардам таких же, как они, понадобится новое пристанище.

Идти пришлось медленно, переступая через пожитки, вытянутые ноги, а то и через скрюченные неудобным сном фигуры. Некоторые из ожидавших облачены в скафандры, чьи колпаки свешивались на спину сморщенными масками, похожими на праздничные личины смеха и печали – у кого как. При этом системы индивидуальной вентиляции работали на полную мощность, разгоняя духоту не только под оболочкой, но и вблизи, облегчая участь ожидающих.

– Послушайте, Телониус, а нельзя задействовать дополнительные воздуховоды? Дайте взрослым и отпрыскам продышаться.

– Правильно! Мы будем жаловаться! Всем нужен свежий воздух! Сколько можно терпеть! – немедленно раздался голоса в поддержку Ариадны. Несмотря на показное равнодушие возвращенцев, она плавала в центре их внимания.

– Не говорите чепухи! – перекрыл жалобные голоса чей-то рык, и Ариадна было подумала, что это Телониус, но наткнулась на бешеный взгляд возвращенца, стоящего у самого выхода в форме администрации проекта. Шевроны неряшливо спороты, поэтому определить его бывшее звание оказалось невозможно. – Энергии хватает лишь на минимальную жизнедеятельность Лапуты! Если утекаем, не будем наливать проблем остающимся!

– Кто он? – спросила Ариадна.

Телониус оскалился:

– Брут. Мой бывший заместитель.

Брут. Брут. Что-то знакомое...

– Дедал Лапуты? – вспомнила Ариадна. И изумилась. – Значит, и он тоже...

– Тоже, – отрезал Телониус.

– Мы в аду! – Истошный крик перекрыл разноголосицу, и словно волна прокатилась по возвращенцам. Они вскидывали опущенные головы, привставали, пытаясь разглядеть – кто кричал.

Ариадна тоже не сразу заметила ее – тонкая тень возникла над сидящими.

– Вы не понимаете?! Мы – умерли! Нет никакого возвращения! Нет Феодоровского процесса! Мы в царстве мертвых! Отсюда нет возврата... нет...

Женщину потянули вниз, но она кричала и отбивалась. Ариадна увидела, что ее кисти заменяли примитивные протезы. К бьющейся в истерике женщине подбежал работник в комбинезоне медицинской службы, на ходу стягивая рюкзак с большой красной змеей.

– В аду, – пожал плечами Телониус. – Никто не поручал мне создавать на Венере ад, мне поручили создать рай.

– Кто она? – спросила Ариадна.

– Нерис, – сказал Телониус. – Саломея Нерис.

– Та самая? – не поверила своим ушам Ариадна и еще раз посмотрела туда, где уже толпились отлетающие, скрывая женщину с протезами. – Художница?

– Бывшая, – мрачно уточнил Телониус. – Вы ведь знаете, у возвращенцев...

– Да, – прервала его Ариадна. – Знаю.

И поежилась. Ей почудилось, будто она догадалась почему у Саломеи столь грубые протезы.

– Сколько всего воскрешенных среди участников проекта? – спросила Ариадна Телониуса.

– Все, – ответил он. Помолчал и добавил: – Венера предназначена для них. Но вы слышали – они убедили себя, что попали в ад, и готовы на все, только утечь. Им плевать на остальных. Главное, возвратились они! Впрочем... Возвращенцы и есть возвращенцы.

– Вы так говорите, будто против Феодоровского процесса...

– Да, – рубанул Телониус. – Мы ничего не понимаем в том, что происходит. Почему возвращаются те, кто умер. Лишь придумываем удобные гипотезы.

– Мы достигли такого уровня психотехнологического развития, которое инициировало Феодоровский процесс... – начала было Ариадна, но Телониус раздраженно отмахнулся.

– Оставьте сказки для легковерных! И возвращенцев. Что одно и то же...

2. Доктор Панглос

Когда Ариадна вслед за Телониусом сошла с подъемника, ей на мгновение показалось, что она неведомым чудом очутилась дома. Перед ней холмистая равнина, густо поросшая травой, кустарниками и деревьями, нитями вились тропинки. В буйстве зелени таились жилища, по внешнему виду неотличимые от европейских. Иллюзия настолько полная, что Ариадна невольно ухватилась за перила, качнувшись от прилива ностальгии. Только в такие мгновения понимаешь – как же долго отлучена от родных озер.

Но иллюзия растворяется. Взгляд невольно отыскивает то, что ее порождает и выдает. Зеленый остров отделен желтоватым куполом от бешеной атмосферы Венеры. Надутая кислородно-азотной смесью оболочка небесного острова обеспечивала ему великолепную плавучесть в тяжелой углекислой атмосфере. За пределами оболочки виднелся кольцевой пандус со вздутиями и отверстиями многочисленных ангаров. Оттуда выскальзывали причудливые тени венерианских самолетов. Машины всплывали над платформой и отвесно ныряли с такой скоростью, будто ничто не держало их в атмосфере и вскоре им предстояло разбиться о пока еще мертвую поверхность планеты. Ариадна видела Лапуту со стороны во время ее поиска в атмосфере Венеры и маневра по стыковке, больше похожего на полет в лабиринте. Приходилось менять высоту и направление движения, подстраиваясь под суперротационные турбулентности. Обитаемый остров походил на анклав, их используют в биологических лабораториях.

Все обслуживающие механизмы, двигатели, лаборатории, фабрики, стыковочные узлы, стартовые площадки орбитальных кораблей утоплены под поверхностью. Ариадна предполагала, что там же, среди механизмов, располагались каюты персонала, ведь никаких пристанищ не хватит вместить тысячи и тысячи душ, обитающих на атмосферном острове. Пожив наверху, вряд ли кто захочет вновь нырять в царство пыхтящих кондиционеров, тяжкого гула двигателей Лапуты, вздохов пневмоэкспрессов, бульканья в водопроводных трубах и прочего техногенного шума, неотличимого от какофонии орбитальных пристанищ.

В толще окружающей зелени она разглядела работников, бредущих по тропинкам почему-то рывками, и Ариадне показалось, будто к ним прикреплены нити, а сами они марионетки, только внешне похожие на разумных существ. Она замедлила шаг, чтобы внимательнее их рассмотреть, но Телониус лишь бросил непонятное:

– Клайменоли! Мы здесь обходимся без гипостазисов.

Ариадна еле поспевала за ним. Охранный робот следовал позади, не отставая, и Ариадне казалось, будто он наступает ей на пятки. Приходилось прибавлять шаг, порой переходя чуть ли не на бег, что со стороны выглядело, должно быть, забавно... Или жутко, подумала Ариадна. Но вот они наконец вышли к пристанищу, Телониус пнул перепонку двери и жестом гостеприимства предложил Ариадне войти. Робот замер на пороге, растопырив клешни, словно готовился отразить атаку на жилище демиурга разъяренных возвращенцев. Впрочем, судя по вмятинам и царапинам на стенах, пристанище неоднократно подвергалось спорадическим волнам недовольства, балансирующим на том зыбком пределе, что отделяет несогласие от восстания. Похоже, Ариадна прибыла на Лапуту вовремя.

– Будете находиться здесь, – сказал Телониус. Именно так – «находиться», отчего у Ариадны всплыла ассоциация с арестом, заключением под стражу и вообще – принудительной изоляцией. Она собиралась съязвить по этому поводу, но, посмотрев на набычившегося Телониуса, сдержалась. Ариадна предпочитала оправдывать только те ожидания, которые от нее ждут по должности. Кивнула и переступила порог.

– Мое пристанище, – сказал Телониус, – вы никого не стесните, а сам я здесь не бываю.

– Где же вы спите? – Ариадна не удержалась.

– Где застанет сон.

И ей представилось, как сон застаёт Телониуса посреди коридора в недрах острова, он немедленно ложится на поёлы и засыпает. Обязательно с кваканьем, заглушающим шум машинерии.

– Мне нужно говорить с теми, ради кого прилетела, – сказала Ариадна.

– Говорите здесь, какая разница? – буркнул Телониус и без всякого перехода сказал:

– Я читал вашу книгу.

– Какую?

– Ту, где вы укрылись под псевдонимом Доктор Панглос. «Этот лучший из миров», так?

– Ее и написал Доктор Панглос.

– Прекратите! Кто бы не написал, вы разделяете его положения?

– О недопустимости переделывать мироздание под наши сиюминутные нужды? Да, разделяю, – сказала Ариадна.

Телониус глубоко вздохнул, выпрямился.

– Творец создал мир несовершенным с целью дать нам возможность и способность его переделать. Единственный проект, который можно определить как «переделку мироздания», – мой проект. – Телониус сделал ударение на слове «мой». – Именно его вы решили уничтожить?

Ссориться с Телониусом не входило в ее планы, но что она могла ожидать?

– Телониус, – как можно мягче сказала Ариадна, – идеи Доктора Панглоса близки не только мне, но и многим другим. Вы можете объяснить – зачем нам еще один пригодный для обитания планетоид?

– А как же Феодоровский процесс, план возвращения всех, когда-либо живших? Разве не для этого нужна терраформованная Венера? Стать для возвращенцев пристанищем обетованным?

– Чепуха! Места всем вполне хватит.

Телониус помолчал, потом сказал:

– Впрочем, вы полезны. Вы вдохновляете. Злите. Это заставляет сражаться с тем, что нельзя победить.

– Как мне найти вас, если понадобится? – спросила Ариадна, когда Телониус сошел со ступеней и готов был нырнуть в заросли.

– Никак, – сказал Телониус. – Лапута – лабиринт, а я его Минотавр. Минотавр сам отыскивает свои жертвы.

Ариадна поежилась.

3. Примарка

В пристанище оказалось пусто. Ни единой вещи, указующей – здесь обитель демиурга терраформовки Венеры. Лишь стандартное оборудование – сидалища и лежанки, кухонный комбайн, волнофон на дурацких изогнутых ножках. Ткнув в клавишу, Ариадна убедилась – работает и обеспечивает высший уровень допуска к океану информации. Телониус не утруждался выдумывать пароли доступа.

Единственной вещью, которая выбивалась из общей стандартности, оказался рояль весьма древней конструкции. На металлических боках с декоративными завитушками красовались подпалыны, будто инструмент некогда потерпел катастрофу на корабле, где когда-то был установлен. Ариадна погладила его смятый бок и с удивлением убедилась, что рояль подключен к питанию – от него исходило тепло, а подушечки пальцев укололи клавишные сенсоры. К роялю имелся набор водяных дисков – выбирай, садись, играй или просто слушай, но ей пока не до музыки. Ариадна провела ладонью по дискам, убедившись – все они принадлежат одному исполнителю. Вставленный в разъем инструмента диск, судя по футляру, назывался «Восход Венеры». Ариадна хмыкнула. Наверное, все же стоило прослушать, чем вдохновлял свои демиургические силы хозяин пристанища, но Ариадна посчитала это слишком откровенным вторжением в жизнь Телониуса. Диск она прослушает, но не теперь.

Ариадна поймала себя на том, что горбится над экраном волнофона, вчитываясь в ежедневные отчеты о ходе проекта. От неудобной позы и накопившейся после космоплавания усталости на спине проступил пот, и вообще от нее пахнет немывтым с долгой дороги телом.

Под душем она смыла пленку комбинезона и гольшом дошла до напылителя. Ариадна заказала стандартное одеяние лапутян, повертелась под раструбом, распределяя нити равномерно по телу. Подумала перекусить – продуктовое вместилище оказалось забитым коробками с хлореллой, но решила воздержаться. Требовалась предельная ясность ума, а пищеварение, как Ариадна искренне считала, заволакивало эту прозрачность мутью сытости. Поэтому она ничего не брала в рот во время работы, истончаясь до полупрозрачности. Вот и сейчас она легко пересилила голод. Собралась продолжить знакомство с отчетностью проекта, но сверху вдруг кто-то спросил:

– Ты хочешь погубить Минотавра?

Ариадна растерянно осмотрелась, пока не увидела отпрыска, лежавшего на высоченном шкафу, подставив ладошку под щеку, придерживая кукольную коробку с проступающими буквами «Древние мифы».

– Минотавра? – спросила Ариадна. Вид у отпрыска оказался столь же непривычным, как и месторасположение. Самый настоящий древний скафандр собрался на маленьком теле складками. Скафандр видал воды, оранжевые линии сигнальной системы почти слились с грязновато-белой поверхностью.

– Это его пристанище, – сказал отпрыск. – Он тебя привел, я видела.

Только теперь Ариадна сообразила.

– Я никого не желаю погубить, – сказала она. – Это моя работа. Вот и все.

Как общаться с отпрысками, Ариадна представляла смутно, поэтому решила говорить как со взрослыми – уважительно и доходчиво.

– Здесь все по-другому. – Отпрыск потряс коробку, раздалось шуршание пришедших в движение фигурок, готовых разыграть очередную сценку. – Ариадна дала Минотавру клубок, чтобы он погрузился в лабиринт мертвых за своей матерью и не заблудился там. Минотавр нашел мать, но на обратном пути их подстерег страж царства, муж Ариадны. Ревнивый муж убил Минотавра и с помощью нити сам вынырнул из лабиринта мертвых в мир живых.

– Я не собираюсь убивать твоего родителя, – сказала Ариадна.

– Минотавр мне не родитель. Мои родители смылись, а я осталась.

– Смылись? – переспросила Ариадна.

– Ну... да. – Отпрыск приподнялся и изобразил, будто гребет руками. – Они возвращенцы. Работали здесь. А потом погрузились в космоплав и отправились... м-м-м, восвосяси.

– А ты осталась?

– А я осталась.

– Одна?

– Одна. Что такого? Здесь интереснее. Здесь мое пристанище.

Нечто в поведении и словах отпрыска смущало, но Ариадна не могла понять – что именно? Не решив, чем и как продолжить разговор, принялась внимательно себя ощупывать, проверяя, как комбинезон высох на ней. С полевыми распылителями всегда жди подвоха – пропустят какую-нибудь складку на теле, и – привет, прореха, ее не залатать.

– Кстати, – ей вдруг пришло в голову, что они так и не представились, но откуда-то отпрыск разузнал ее имя. Хотя сообщение о прибытии приплыло заранее, и Телониус-Минотавр наверняка объяснил отпрыску, что в их пристанище появится еще жилец, – меня ты знаешь, но я тебя – нет. Как твое имя?

– Нить. – Отпрыск перекатился и упал со шкафа. Но прежде чем Ариадна успела испугаться, ей уже протягивали руку. – Смешно, да? Нить. Примарка.

– Нить, – повторила Ариадна, словно пробуя на вкус имя новой знакомой. – Примарка. А что это такое?

– Я здесь появилась, – объяснила Нить. – На Венере. Тех, кто появился на Венере, называют примарами.

Нить тряхнула головой, намотала на палец выкрашенную в молочный цвет прядку волос, и только теперь Ариадна с изумлением поняла – волосы настоящие! Не парик, в каких любили щеголять модницы, а вполне себе живые, шевелящиеся.

– Так это твой? – кивнула Ариадна на несуразный для аскезы Минотавра инструмент. Наверняка родители Нити перед тем, как смыться, пытались привить ей музыкальный вкус.

– Его, – вновь тряхнула волосами Нить. – Мать Минотавра была знаменитой пианисткой. У меня только коробка. – Она встряхнула коробку с куклами. – Это гораздо интереснее.

– Наверное, – согласилась Ариадна. – А что произошло с матерью Минотавра? Ты сказала, что она была? То есть сейчас...

– Ну да. Была. До тех пор, пока не погибла. А когда возвратилась, утратила свой дар. Ну, как обычно у возвращенцев. – Нить коротко засмеялась, и Ариадна невольно вспомнила Саломею с грубыми протезами на месте уже ненужных ей рук.

Любовь к матери доступна и холоднокровным, подумала Ариадна, представив огромного Минотавра, проявляющего чувства отпрыска к родительнице. Получилось плохо. Впрочем, не ей судить.

– Где я могу найти Телониуса? – Ариадна решила, что расспрашивать отпрыска в отсутствие попечителя о делах на Лапуте неэтично. Правильнее взять за рога того, кто таковую информацию должен ей предоставить. А вопросов к Минотавру у нее достаточно. – Или он уже спит там, где его застал сон?

– Он не спит, – возразила Нить. – Он сражается. Бьется.

– Сражается? – не поверила слуху Ариадна, но Нить повторила очевидный жест. – С кем? Ах да... не с тем ли, кому я так и не вручила путеводной нити из лабиринта, поскольку никакой нити у меня и нет?

– Его зовут Пан, – серьезно сказал отпрыск.

4. Брут

Выход из пристанища Минотавра загромождал робот, про него Ариадна почти забыла. Чудище широко расставило верхние и нижние конечности, готовое схватить и разорвать любого, кто рискнет переступить порог, и неважно откуда попытка будет совершаться – изнутри жилища или снаружи. Ариадна не испугалась, чего не скажешь о Нити, она отшатнулась от робота и спряталась за ее спиной, как маленькая.

– Послушайте, уважаемый... – Ариадна нерешительно постучала пальцем по броне машины. – Вы не могли бы отодвинуться, видите ли, мне необходимо покинуть...

Робот дернулся, не дослушав ее просьбы, затем скособочился, его повело, и, чтобы не упасть, он отступил в сторону, но как только Ариадна попыталась его миновать, вытянул манипулятор и вцепился ей в запястье с такой силой, что она охнула от пронзившей боли. Нить взвизгнула, крепче ухватила Ариадну за талию, стараясь удержать ее внутри пристанища.

– Прекрати немедленно! – Ариадна скрипнула зубами и в первый раз пожалела, что прибыла на Лапуту без оружия, хотя, если здраво рассуждать, здесь нужен промышленный огнестрел, а не те игрушки, какие полагались ткачам. – У меня полномочия...

– Так почему не поговорить с тем, кто вас сюда и вызвал, – вдруг прогудел робот, разжал манипуляторы и выпрямился во весь недюжинный рост, которому позавидовал бы и Телониус.

Ариадна опешила:

– Что?

Робот наклонился, на этот раз осторожно сжал ее плечи и сказал:

– Мне необходимо с вами переговорить и представить доказательства нашего права на восстание. Ведь того, что в отчетах, недостаточно для принятия решения?

Ариадна не могла отделаться от ощущения, что с ней говорил именно робот, а не тот, кто взял его под контроль. Подобную витиеватость обычно используют как доказательство, что в общении вступила не бездушная машина, а живое существо.

– Я... я... я готова, конечно! Для этого и здесь, – произнесла Ариадна в жуткую маску машины, – но... где вы? И кто?!

– Сейчас прибуду с вашего позволения. – Робот отцепил от Ариадны клешни и указал на прямоугольник транспортного бассейна. – Подождите там.

Вода в бассейне обладала тем особым цветом, который характерен для водоема без дна. Но вот поверхность взбурлилась, гладкое жидкое зеркало замутилось, там и тут возникли пузыри воздуха, а затем пленка поверхностного натяжения лопнула, Ариадну обдал фонтан брызг, и перед ней возникла фигура, затянута в мембрану глубоководного погружения. Вряд ли в венерианских небесах имелись места, где без такого приспособления не обойтись.

– Снимите маску, – потребовала Ариадна. – Вам ничто не угрожает. Вы под моей защитой.

Наверное, говорить такое существу подобной комплекции смешно. Посетитель стянул маску, усмехнулся удивлению ткача:

– Мне казалось, догадаться не сложно.

– Да... Брут. – Ариадна осмотрела того, кто некогда являлся ближайшим сподвижником Телониуса и Дедалом проекта, а теперь его усилиями готовилось то, что должно окончательно утопить проект. – Но... почему? Обычно о праве на восстание заявляют представители... иной страны?

– Имеете в виду обиженных, которые искренне считают, что им не воздали по делам их? – Брут скорчил презрительную гримасу. – Случай иной.

– Слушаю и смотрю. – Ариадна сцепила пальцы до боли в перепонках. – Убедите меня, что Телониус преступил границу, отделявшую мир смирения от нетерпимости...

– Насколько я видел, вы прибыли в сопровождении гипостазиса восстания, – заметил Брут. – Мои слова прольют истину, на поверхности море свидетельств жестокости демиурга к тем, за кого он в ответе, но чьи жизни проливал напрасно.

– Да, – Ариадна склонила голову, – гипостазис определит ноумен восстания, но последнее слово и жест за мной, ибо проект терраформовки...

Брут презрительно фыркнул:

– С чего вы взяли, будто происходящее здесь имеет отношение к терраформовке?

Ариадна не успела ответить. Произошло нечто непонятное – на них словно пала тень, Ариадна невольно посмотрела вверх. Над Лапутой плыла громадная туша транспортника, предназначенного для эвакуации возвращенцев. Когда ее взгляд вернулся к Бруту, она чуть не вскрикнула. Ей показалось, будто собеседник лишился головы – до того причудливо легли на него тени.

– Что же здесь происходит? – спросила, придя в себя и освежив кожу лица водой из бассейна, Ариадна.

– Ад, – кратко сказал Брут, но видя, как Ариадна требовательно взирает на него, сморгнул крупными, выпуклыми глазами, провел языком – тонким и острым – по губам. – Никто не понимает, что творится на поверхности. Процесс терраформовки инициирован четыре четверки циклоидов назад. Тогда установили базовые фабрики, изготавливающие наноботы для запуска терраформовочных процессов в почве и атмосфере. Но возник вал непредвиденных изменений в атмосфере... подробности в моих отчетах, все документировано.

– Я посмотрю, но необходимо ваше мнение.

– Мы хотим изменить то, что уже само меняется, – сказал Брут. – Венера меняется, и не так, как мы этого хотели... более того, она меняет тех, кто здесь оказался. Вы слышали о примарах?

– Кое-что, – уклончиво ответила Ариадна, невольно посмотрев на пристанище, где укрылась Нить, судя по всему, не желавшая сводить или возобновлять знакомство с Брутом. Может, она знала, что его стараниями на Лапуту прибыла Ариадна?

– А про сталков? – спросил Брут. – Про Красные кольца? Огневиков? Про Вспышку? – Движением пальцев определил единичность и уникальность того, что назвал «Вспышка». При этом что редко пользовался очевидными жестами, отчего речь звучала сухо.

– Вспышка?

Брут пожал плечами:

– Не видел, но, говорят, в небе вспыхнуло нечто, яркость затмила светило. Что это – не разобрались.

– Это есть в отчетах? – Ариадна внезапно раздражилась на Брута. – Если у вас не хватало смелости быть откровенным в отчетах, то понимаю, как вы довели дело до того, что... что...

– Понадобилась помощь? – Брут теребил полуоторванный шеврон с изображением змеи. – Дело не в этом, а в потерях персонала. Тот, кто здесь гибнет, проходит Санаториум и вновь направляется сюда, чтобы быть брошенным Минотавром на установку фабрик, сгореть в Красном кольце или Огневике и оказаться здесь же... Вот что ад. Нырните с Минотавром на Венеру и посмотрите, как он пожирает тех, кто рядом. Случись что с фабрикой, он пожертвует дежурной сменой... и даже вами, если сочтет необходимым... Вот почему нужно восстание... Активируйте гипостазис!

5. Боец

Не будь у Ариадны лощмана, не отыскать ей Телониуса в лабиринтах Лапуты. Нить провела ее в нижние слои атмосферного острова, откуда с грузовых платформ стартовали беспилотники, тяжелыми стрекозами переваливаясь с края в бездну, где бушевали сернокислотные атмосферные вихри. Сквозь вихри они и прорывались, доставляя на поверхность партии эмбриомеханической икры. Из нее разовьются фабрики, пристанища, аэропорты и прочая инфраструктура плацдарма окончательного покорения планетоида. Топали голенастыми ногами погрузчики, загребали широкими лапами порции икры, чтобы затем аккуратно разложить по ячейкам на широких спинах беспилотников, прыская поверх тягучую предохранительную слюну. Работники тоже встречались, но не обращали внимания на Ариадну и Нить, сосредоточенно размахивая палками-светляками, регулируя поток погрузчиков и распределяя их между готовыми к приему груза беспилотниками.

Лапута напоминала анклав, где варилась новая раса, ей предстояло наводнить преображенную Венеру, но Ариадна понимала, что это не так, особенно после увиденного по прибытии на атмосферный остров. Две части целого не сливались – те, кто трудился в лабиринте Лапуты, и те, кто жаждал смыться с планетоида. Часто попадались информационные планшеты, где вращалась Венера, на поверхности икрились зеленоватые пятна очагов терраформовки – там располагались фабрики по производству наноботов. Затем картинка сменялась общим видом Системы, где вокруг светила вращалось все огромное семейство планетоидов. Множество линий, замыкаясь на преобразуемой Венере, показывали огромный масштаб демиургии.

Двухголовое тело с четырьмя руками, четырьмя ногами, огромным туловищем извивалось, топорило, скрежетало в желтой полутьме служебной палубы, освобожденной от грузов. Бойцовскую площадку окружали ящики и тюки, там могли устроиться зрители, но эта битва проходила без свидетелей. Две фигуры сходились, сливались, раздавались глухие удары, тяжелое дыхание и механический скрип. Затем единое тело распадалось, раздваивалось, будто чернильная амеба. Тогда на фоне блекло светящейся облачности, вязко колыхающейся за пределами площадки, отчетливо прорисовывались тени. В одной Ариадна признала Телониуса, вторая хотя и напоминала родственное им существо, но таковым не была. Огромная даже по сравнению с Минотавром, собранная из прямых линий и простых фигур. Голову отягощали выросты, похожие на рога, отчего на Ариадну накатило ощущение, будто это существо, доведенное схваткой до бешенства, пустит их в ход и пронзит демиурга. Слышалось тяжелое и хриплое дыхание Телониуса, но от загадочной фигуры исходило лишь гудение. Казалось, что гудит включенный на всю мощь охладитель.

– Пан, – шепотом сказала Нить. Про нее Ариадна почти забыла, в изумлении наблюдая, как фигуры вновь сходятся в центре площадки.

Ариадна растерянно огляделась, ей показалось, будто в густой тени различает еще одну фигуру, столь же огромную, как и ту, с которой сражался Телониус, но убедиться в этом не успела – схватка сокрушительно закончилась.

Минотавр резко выпрямил сжатую в кулак руку, другую, нанося в корпус противника страшные удары, отчего тот отступил на шаг, но затем пригнулся, ударил в ответ. Телониус уклонился, но второй кулак противника поразил его в грудь, и он тяжело отлетел, обрушился на тюки и остался лежать.

– Вы – сумасшедший, – сказала Ариадна, слизывая кровь из рассеченной брови Телониуса. – Как вам удалось обойти законы роботехники? Неужели эта... машина не понимает, что причиняет вам вред?

Телониус отвел руку Ариадны и сел. Морщась, потер бок.

Ариадна посмотрела на робота, который башней возвышался над ними. Невообразимо древняя модель, полностью бронированная, идеально приспособленная для штурма Венеры, с ее кислотными облаками и дождями, парниковым эффектом и выжженной почвой. Теперь он служил спарринг-партнером для Минотавра.

– У вас может быть повреждена мембрана, надо сделать просвечивание.

– Я действовал с максимальной осторожностью. – Голос Пана оказался таким, будто разговаривал не робот, обладающий синтезатором голоса, а холодильник, для имитации речи модулирующий издаваемое им гудение. – Мои удары соизмерялись с крепостью мембраны и упругостью мышц.

Минотавр отстранил Ариадну и неожиданно ловко оказался на ногах. Лицо и голый торс покрывали высохшие потеки крови из многочисленных ссадин. Ариадна поразилась сходству демиурга с мифическим чудовищем. Злоба и мощь. Мощь и злоба. И еще голод. Она с изумлением обнаружила, что вид полуголого черного существа пробуждает в ней животное желание, в животе растекается тепло, и не хочется подниматься, будто коленапреклоненная поза принята ею не ради оказания первой помощи, а для выражения покорности хозяину лабиринта. Возьми и владей...

– Сумасшествие, – пробормотала Ариадна, теперь и сама не понимая, кому ставит диагноз.

Пан, как фокусник, вытащил откуда-то огромное паутинное полотенце и перебросил Телониусу. Тот принялся яростно вытираться, кряхтя и фыркая.

– У вас такая манера ведения дел, Ариадна? Тайком наблюдать за объектом интереса?

– Объект моего интереса не вы, – Ариадна встала. – а проект в целом.

– Скажите, что я для вас чересчур мелок, – усмехнулся Минотавр. – Хотите следить – следите, только под руку не попадайтесь. Рука у меня тяжелая. Да, Пан?

– Зачем вы это делаете, Телониус? Неужели не понимаете, что никогда не одолеете его?

– А зачем сражаться с тем, что можно победить? – Телониус отбросил полотенце и подошел к отверстию транспортного бассейна. – Сражаться стоит только с тем, что победить невозможно. – И он без единого всплеска ушел под воду. Когда Ариадна решила, что больше его здесь не увидит, голова Минотавра показалась на поверхности, а затем он рывком освободился из пленки поверхностного натяжения.

Пан издал протяжное низкое гудение, изображая смех. Но гудение прервалось, и робот сказал:

– Получена волна, Телониус.

– Ошибки нет?

– Беспилотники подтверждают. Плато Первопроходцев.

– Добро. Готовьте машину, сейчас буду.

– Что происходит? – спросила Ариадна.

– Придется вас оставить. – Телониус направился к выходу с площадки. – Прогуляюсь по Венере. А вы плетите... плетите восстание.

– Халтурно вы делаете терраформовку, Телониус, – ядовито сказала и показала Ариадна. – Плохой из вас демиург.

6. Красное кольцо

С высоты казалось, будто по желто-багровой поверхности планетоида разбросаны дырчатые черные кубики. Плато Первопроходцев не отличалось от других плато – не уцепиться взглядом. На фоне поверхности, окружавшей фабрику, Красное кольцо почти не заметно, только присмотревшись, можно различить багровеющий ободок, очерчивающий черные кубики.

– Фабрика, я – Минотавр, доложите ситуацию, – глухо сказал Телониус, но в ответ получил все тот же выплеск могучего рева помех.

Ариадна сидела в одном из сидалищ для пассажиров, разглядывала в выпуклое зеркало над пультом искаженное, распухшее отражение Телониуса. Сходство с чудовищем ему придавал шлем с выступом дыхательного агрегата, изогнутыми рогами-антеннами и выкаченными зеркалами-буркалами светофильтров и дальномеров. Десантно-штурмовой комбинезон обливал тело Минотавра дополнительным слоем псевдомышц, руки паковались в трехпалые перчатки, а ноги – в раструбы охладителей, похожих на чудовищные копыта, откуда курился еле заметный дымок хладагента, придавая Телониусу совсем дьявольский вид.

Верный Пан разместился рядом с Минотавром. Для огромного робота здесь не хватало места, поэтому сидалище второго пилота было выдрано, а из безобразной дыры торчали провода, напрямую подсоединенные к разъемам Пана. Робот сидел на полу, но башку ему все равно пришлось втянуть в плечи, чтобы не задевать металлическим теменем электрические коммуникации и трубки гидравлики.

– Сколько их? – спросила Ариадна.

– Стандартная рабочая смена, – ответил Телониус.

– Четырнадцать? Ну, конечно... – Ариадна посмотрела на соседнее сидалище, где затаилась Нить. Отпрыск выполз в кабину из какого-то убежища только тогда, когда «Циклоп» пробил кислотный облачный слой и перешел из отвесного падения в горизонтальный полет. Приложив пальчик к губам и скорчив виноватую рожицу, Нить забралась в сидалище. Телониус наверняка ее заметил, но промолчал, посчитав слова излишними. Времени и так в обрез, чтобы ради бедовой, тайком проникшей в «Циклоп» Нити возвращаться на Лапуту. А значит, и Ариадне не резон вмешиваться в семейные дела. Она сама здесь на рыбьих правах. Ее гипостазис не предусматривал участия в подобных делах. Соответствующий эйдос расплывчато оставлял это на усмотрение полномочных лиц. То есть на усмотрение Минотавра.

Тем временем Красное кольцо вокруг фабрики изменялось. На нем возникли вздутия, и Ариадне пришло в голову сравнение с Уроборосом, проглотившим стадо китов. Киты плыли друг за другом в пасть морского змея, а он их глотал, проталкивая их туши дальше к хвосту.

Ариадна на мгновение прикрыла глаза. Что за бред?! А когда открыла их, то увидела, как из кольца бьют ослепительные фонтаны света.

Включилась диспетчерская, голос произнес:

– Огневики отпочковались, Минотавр.

– Вижу, – процедил Телониус. – Скажите, что я не вижу.

– Пытаемся проложить резервный канал, но пока ничего не получается...

– Слышу, – еще злее процедил Телониус. – Давай, отпрыск, давай. Что-нибудь, что я не вижу и не слышу!

Отпрыск замолчал, как показалось Ариадне – в растерянности. Но вот динамики в кабине «Циклопа» вновь ожили:

– Орбитальные лазеры приведены в полную готовность, Минотавр. Ждем приказа.

– Ждите. Иду на посадку. Как только вытащу всех, не медлите. Сделайте там еще один остров ада.

– Ад в аду? Сделаем, Минотавр. Удачи и спасения.
«Циклоп» резко пошел вниз, будто кто-то обрезал нить, которая удерживала этот летучий утюг.

7. Фабрика

Только теперь стало видно, насколько фабрика огромна. Сотни их на Венере, и еще тысячи закладываются, выращиваются, вступают в строй, запускают производство наноботов. Работающую в нормальном режиме и на проектной мощности фабрику легко отличить – из дырчатых кубов непрерывно бьют струи темного дыма, выбрасывая триллионы механоспор в миллионах модификаций. Они рассеивались в облачном слое, внедрялись в почву, чтобы приступить к пока еще не фиксируемой и самыми чуткими приборами работе по выстраиванию и запуску сложнейших физико-химических процессов. Конечным результатом станет преобразенная Венера. Венера без кислотных облаков и суперротации, Венера без раскаленных пустынь и сильнейших атмосферных бурь, Венера, пригодная стать пристанищем миллиардам возвращенцев.

Однако то, что с высоты выглядело тонким, едва различимым багровым кольцом, охватывающим фабрику, вблизи предстало грозным явлением. Кажется, разверзлось жерло вулкана и изливало густую раскаленную лаву, и эта лава текла непрерывной могучей рекой по замкнутому кругу, без единого прохода на превращенную в остров территорию фабрики.

Перед полетом на Венеру Ариадна беседовала со специалистами, которые занимались и планетоидом, и проектом, говорила с первоосвоителями, теми, кто в авангарде высаживался на негостеприимный планетоид, смотрела архивные материалы.

Природа феномена Красного кольца точно не установлена. Ученые лишь соглашались, что это весьма своеобразная форма кристаллических пород Венеры. Назвать ее жизнью ни у кого не поворачивался язык. Красные кольца возникали по непонятным причинам, выдавливаясь из многочисленных трещин в поверхности планетоида густой массой, которая затем формировала вот такие почти идеальные окружности. Через несколько ротаций кольца распались.

Но Ариадна была убеждена – в этой скудной информации никогда не упоминалось о том, что Красные кольца порождают Огневики.

Похожие на сгустки пламени Огневики атаковали фабрику. Там, где они сталкивались с защитным силовым полем, вспыхивало радужное свечение, сплетенное из правильных геометрических фигур – шестиугольников, квадратов, кругов. И Ариадна поняла, что видит отпечатки структуры Огневиков, упрятанной в пылающую оболочку.

Ариадна хотела спросить Минотавра, что он собирается делать дальше, но не успела. Могучий удар в днище подкинул «Циклопа», завертел вокруг оси, резко вздернул за один край, другой, намереваясь перевернуть машину. Ремни впелись в тело, и Ариадне показалось – еще немного, и они расчленият ее, а если не расчленият, то сломают и разможат внутренности. Дикая скачка столь же внезапно прекратилась, свет в кабине погас, и машина перешла в свободное падение.

Включилось аварийное освещение – тусклое и прерывистое, как стробоскоп. С трудом повернув голову, Ариадна встретилась взглядом с Нитью и с запоздалым раскаянием подумала: все же следовало вернуть ее обратно на Лапуту. Но Нить, судя по всему, ничуть не испугалась. Она вроде даже подмигнула Ариадне – ничего страшного и не случилось. Или так и было? Все шло в рутинном режиме, и эти толчки, удары, аварийное освещение – лишь особенность выхода из зоны суперротации в спокойные слои венерианской атмосферы?

Вибрация нарастала, стробоскоп вспыхивал чаще и чаще, погружая Ариадну в удивительную иллюзию – ей казалось, будто сидящая рядом Нить увеличивается в размерах, и вот на ее месте возникает громадная фигура, напоминающая ту, которую Ариадна заметила около бойцовой площадки, но толком не рассмотрела.

Что-то происходило не в штатном режиме! Ариадна это чуяла благодаря богатому опыту работы в космосе. Нить что-то говорила, Ариадна не слышала ее, так как «Циклопа» положили на гигантскую наковальню и что есть силы молотили по танку огромным молотом, пытаясь то ли расплющить его, то ли расколоть, как панцирь моллюска. Нить жестикулировала, и Ариадна ее понимала.

«Это лучший из миров».

Вот что повторяла Нить.

Это лучший из миров!

8. Огневик

Темная полоса висела в тускло-багровом небе – след прорыва «Циклопа» к фабрике. Машина накренилась на одну гусеницу, броня в оспинах и подпалинах, не верилось, что сверхзащищенный и сверхвооруженный атомный танк что-то может подпалить и изъязвить. Теперь, с близкого расстояния, было видно, что дырчатые кубы фабрики имеют много дефектов. Похоже, их собирали в огромной спешке, да к тому же плохо обученные специалисты. По граням шли трещины, углы морщились заломами, а отверстия редко выглядели идеально круглыми, и их тоже окружали складки. Поначалу Ариадне показалось, что это результат воздействия Красного кольца, но, поразмыслив, решила, что рост фабрики изначально происходил с нарушением генетической программы зародыша. И кто знает – что там внутри. Может, действительно лабиринт, как сказал Минотавр, отказавшись взять Ариадну с собой. Если сравнить с хаосом, то Лапута образец логики и регулярности.

– Зачем Телониус хочет уничтожить фабрику? – спросила Ариадна Пана. Минотавр оставил его с ней – присматривать. – Ведь Красное кольцо именно это и делает.

– Нет, – сказал Пан. – Красное кольцо не уничтожает фабрику, оно ее перестраивает с помощью Огневики. Перестраивает все процессы.

– Для чего?

– Нет информации, – помедлив ответил Пан, и у Ариадны возникло подозрение, что он солгал, хотя позитронный мозг подобных роботов вряд ли способен намеренно исказить информацию.

– А... примары? – Ариадна с некоторым усилием произнесла новое для нее слово. Экзоскелет ограничивал свободу жестикуляции. – Они не смогут помочь? – Она повернулась в сторону Красного кольца, но багровые всполохи не позволяли ничего разглядеть, а колонну техники, они увидели еще во время прорыва «Циклопа». Ариадна не успела рассмотреть ее в подробностях, ей лишь показалось, будто машины примаров волокли целую гору обломков, отчего колонна напоминала насекомых, несущих всякий хлам для постройки гнезда. – Если призвать на помощь их?

– Они не услышат, – сказал Пан. – И не придут на помощь. Они никогда не слышат и никогда не приходят. Даже если встать у них на пути, они в лучшем случае объедут вас.

– А в худшем?

– Проедут через вас, – проскрипел робот.

Она еще раз осмотрела островок волнистой, пропеченной поверхности, где под тонкой пленкой бушевала огненная стихия, просачиваясь наружу через многочисленные поры. Как вообще можно вообразить будущий рай, если здесь нет ни капли воды? От одного взгляда на окружающий ад кожа стягивалась от обезвоживания, а губы вытягивались к трубочке с питьем.

Новое пристанище для новой расы... А что, если демиург и не собирается создавать здесь новое пристанище? – внезапно захлестнула Ариадну волна подозрения. Что, если его истинная цель изменить не планетоид, а разумных существ?! И все эти примары, сталки, о которых упоминал Брут, побочный результат его эксперимента? В горниле огненного анклава демиург выпекает новых разумных существ? Для них этот мир станет пригодным.

– Он – бог, но еще не научился быть богом, – Ариадна услышала чей-то насмешливый голос.

Кто это сказал?! Пан? Брут?! Или она уже галлюцинирует? Сколько времени она на ногах?

Ариадна ощущала себя как после чудовищно тяжелого разгона, когда корабль глубоко ныряет в гравитационное поле светила, набирая космическую скорость и устремляясь по нужной траектории, сберегая драгоценную воду для эмиттеров Кузнеца. Хотелось сесть, а лучше –

лечь. Она подошла к выступу вентиляционного колодца, почти опустилась на него, но внезапно обнаружила себя вновь стоящей. Экзоскелет перешел в активный режим, по телу прокатилась зудящая волна.

Нить!

Ариадна про нее и думать забыла, та не попадалась на глаза со времени посадки! Отпрыск веселым, прогулочным шагом, широко размахивая руками, подпрыгивая, направлялся к Красному кольцу, как раз туда, куда втянулся вспоротый лазером «Циклопа» Огневик. Но к этому времени Огневик почти восстановил старую форму, студенисто подрагивал, вытягивал ложноножки и обретал неприятное сходство с ладонью, готовой вновь прихлопнуть «Циклопа».

Глядя на бедового отпрыска, Ариадна ясно представила: та не только марширует, но и распевает во все горло. Ее древний скафандр не имел стандартных каналов связи, Нить нельзя вызвать и приказать возвращаться под защиту танка. Минотавр не обращал на воспитанницу ни малейшего внимания и даже словом не обмолвился, чтобы Ариадна за ней присмотрела.

Какая-то посторонняя сила подхватила Ариадну и понесла вслед за Нитью на пределе возможностей экзоскелета. Она не бежала, а совершала огромные прыжки, взмывая, падая на руки и ноги, отталкиваясь и вновь взмывая, с отчаянием понимая – даже в таком режиме не успеет. Отпрыск двигался резво, а чудовищная пятерня Огневика, ощутив приближение живого существа, наклонялась, то ли собираясь прихлопнуть Нить, то ли раздавить в пламенеющем кулаке.

Назойливый писк предупреждал о чудовищной утечке энергии. Ариадна с ужасом и ненавистью ждала – вот-вот включится режим принудительного сбережения, иначе сдохнут фильтрация кислорода и терморегуляция. Но не сбавляла ход, точно безмозглый планктон, устремленный к свету.

– Стой! Нельзя! Опасность! – В наушниках скрежетал механический глас Пана. Он следовал за Ариадной, но где громоздкому роботу за ней угнаться!

Огненная длань неотвратимо опускалась. Нить внезапно остановилась, обернулась, и Ариадна ясно разглядела ее смеющееся лицо. Вдруг пронзила жуткая мысль: что-то связанное с ловушкой, с рефлексом спасать из беды, а еще о непонятном равнодушии Минотавра к присутствию на борту «Циклопа» воспитанницы.

Огневик перехватил Ариадну в прыжке, стиснул, облил нестерпимым жаром и потащил к бурлящей лаве Красного кольца.

Далеко внизу смеялась Нить, откинув колпак скафандра, наматывая прядку волос на пальчик. Ей были нипочем ни чудовищная температура, ни отсутствие кислорода, ни соседство Красного кольца.

Книга III. Феодоровский процесс

1. Санаториум

Телониус открыл глаза и обнаружил себя в потоке света. И в это мгновение вспомнил: именно так и представлял смерть – переход из одного физического состояния к иному физическому состоянию. И если о первом каждый имел хоть и субъективное, но весьма практическое представление, то второе оставалось до последнего времени загадочным, но не потому, что непонятно в общем, а потому, что трудно представить то, чего не знаешь. Ведь оттуда, до появления Феодоровского процесса, никто не возвращался.

«Теперь я узнаю все», – подумал Телониус, не испытав, однако, ни единой положительной эмоции. Он не полагал, что столь скоро попадет в когорту посвященных в подробности посмертного существования, а рассчитывал прожить если не длинную и счастливую жизнь, то, по крайней мере, такой протяженности, чтобы хватило завершить все дела.

«Или все так и случилось?» – спросил он себя. Его память не сохранила картину триумфального завершения проекта терраформовки Венеры, хотя это вполне могло произойти, но оказалось стертым в процессе умирания. Однако Телониусу не верилось. И более того, он не ощущал себя преступившим порог смерти, как предпочитали называть данное состояние те, кто при жизни боялся смотреть правде в глаза. Что требовать от них, когда телесная оболочка – сморщенная или, того хуже, изрядно потрепанная невзгодами и несчастными случаями – осталась там, а ментальная матрица, в полном соответствии с законами сохранения, перешла в иное – посмертное состояние? Ну нет! Ощувив себя мертвым, он бы честно признался себе, что отныне представляет собой не единство тела физического и тела ментального, а лишь сгусток, какое-то время помнящий о своем предыдущем существовании в некоем мире, где его звали имярек, а занимался он тем-то и тем. Возможно, что через некоторый промежуток времени (хотя существует ли он во времени – еще один вопрос без ответа) и эта память исчезнет, как исчезают жабры и хвост у особи, готовой родиться по-настоящему.

– Вы меня слышите? – Телониус наконец-то уловил смысл фразы, надоедливо звучавшей на разные лады. Он размышлял о многом, размышлять оказалось неожиданно интересно, чего не замечал в бытность свою демиургом самого масштабного проекта Системы. Да и размышляет ли о подобном существо его положения и власти. Вопрос раздражал, но за ним крылась возможность узнать нечто о другом мире. В тот мир его забросил чудовищный Огневик, в его объятиях он вспыхнул, невзирая на все усилия брони высшей защиты сохранить ему жизнь. Жизнь за жизнь...

Телониус осмотрелся. Он плавал в водяном пузыре, опутанный нитями, соединявшими его с аппаратурой, часть ее была погружена в воду, а другая – с управляющими панелями – выступала в сухую часть отсека. Как раз за ней-то обнаружилась фигура с выпученными глазами и медленно артикулирующим безгубым ртом. Телониус энергично задвигал конечностями, как попавший в паутину водяного паука тритон, но нити держали крепко.

– Не торопитесь, – предупредила фигура, увидев его безуспешные попытки освободиться. – Процесс регенерации не завершен. Не хотелось бы оставить вас с одним легким или половиной печени. Потерпите до полного восполнения. Провода отсоединятся сами. – Фигура говорила неторопливо, обстоятельно жестикулируя, в чем ощущался недюжинный опыт и вышколенность, доказующие – Телониус не первый и далеко не последний, кому она дает пояснения.

Ариадна могла бы это подтвердить, мелькнуло у него, вызвав еще вопросы: кто такая Ариадна? Почему она могла подтвердить? Телониус не выносил вопросы без ответов. Ответы

на эти вопросы плавали на расстоянии вытянутой руки, но попробуй вытяни, когда опутан проводами, скрючен в пронизанной светом капле, а если все же слегка повернуть голову, то увидишь такое, что захватывает даже его мятежный дух.

Европа! Да, в черной бездне плыла Европа, облитая пеленой облаков, просвечивал океан с густой прозеленью обитаемых островов.

Лучший из миров...

Кто сказал? Впрочем, неважно. Пока надо смириться с раздражающей частичной амнезией и потерпеть до обещанного пучеглазым существом «полного восполнения».

И в награду за столь непросто достигнутое смирение провода стали отсоединяться от тела, порождая неприятный зуд, будто Телониус вновь переживал родовой метаморфоз. Когда отскочил последний, торчавший в основании черепа, в капле возникла упругая волна. Его понесло сквозь приливы света и вытолкнуло – мягко, почти нежно – на металлическую кювету, где Телониуса подхватили заботливые руки, удерживая от случайных движений, пока вода стекла в дренаж, а из нависающих сопел дул теплый ветерок.

2. Восстановление

Их оказалось двое – обладателей заботливых рук и приветливых взглядов. Затянутые в полосатые комбинезоны, в перчатках с удлинёнными пальцами и перепонками они походили на тритонов. Тот, что возвышался слева от него, произнес торжественно-грубно:

– С возвращением, Телониус! Персонал Санаториума приветствует тебя!

Откашливая воду, Телониус оттолкнул придерживающие его руки и сел. Получилось вполне сносно. Мышцы слушались, крошечные отверстия, усеивающие грудь и живот, толчками выплескивали струйки жидкости. Тритоны выдернули из тела остатки нитей, окончательно прервав связь с анклавом. Отсюда, из внешнего мира, он выглядел крошечным. Даже не верилось, как он вмещал хоть одно тело. Он походил не столько на машину возвращения, сколько на гипостазис. Телониус захотел рассмотреть анклав подробнее, но тритоны заслонили его.

– Не беспокойтесь, – сказал тот, что справа. – Истечение жидкости и затягивание дренажа завершится в течение стандартного оборота. Вам будет выдан комбинезон с влагопоглощающим слоем...

– Чтобы я под себя ходить мог? – осведомился Телониус. Переход из статуса погибшего демиурга в статус возвращенца выглядел унижительным.

– Не переживайте, Телониус, – произнес левый. – Неустойчивость эмоциональной сферы – ожидаемый побочный результат Феодоровского процесса, но мы располагаем эффективным арсеналом психолого-терапевтических инструментов... Также хочу предупредить, что восстановленный организм не сразу возвращается к привычным физиологическим реакциям, а потому забота о вас на первых порах будет поручена клайменолям. Мы бы не хотели, если бы вы вдруг забыли дышать и пострадали от асфиксии. – Тритон щелкнул пальцами, и вокруг Телониуса закрутились шарики, мягко ударяя по грудной клетке, по ушам, призывая внимательно слушать, по губам – заставляя сохранять молчание.

«Смерти все равно нет, – подумал Телониус. – Умершие воскрешаются как цивилизации...»

Телониус, убаюканный клайменолями, заснул, а когда открыл глаза, то обнаружил себя на койке в кубрике. Судя по числу двухъярусных лежбищ, там могли одновременно размещаться четыре четверки возвращенцев. Но сейчас Телониус пребывал в одиночестве. Тело стягивал обещанный комбинезон белесого цвета, и пришлось несколько раз энергично пошевелиться, убеждаясь, что одеяние не стесняет движений. А раз так, решил Телониус, то хватит лежать, как скат.

О дальнейших процедурах он не имел представления – подробности реабилитации возвращенцев его никогда не интересовали. Хотя они и составляли основную движущую волну терраформовки. Но, в любом случае, нужно сделать все, чтобы покинуть Санаториум в ближайшее время.

И тут его осенило. Как до сих пор не приходило это в голову!

Время!

Время, которое он пребывал по ту сторону жизни!

Сколько минуло с той поры?

Телониус обошел кубрик, но не отыскал ни единой клепсидры. Пусто. Будто кто-то заранее позаботился лишить возвращенцев каких-либо временных ориентиров. Тогда он, получив не то чтобы оправдание, но объяснение поступку подобного рода, тщательно обыскал стоящие около кроватей емкости для вещей. Впрочем, столь же безрезультатно – все они оказались почти пусты, словно Телониус – первый и последний возвращенец во всем Санаториуме. Все чисто и пусто, что разительно отличалось от кубриков, в которых проживали возвращенцы

на... на... Лапуге! Пара вещей все же нашлась – ящичек со смехом, их таскают с собой экспедиционные партии, чтобы в конце цикла, когда сил не остается даже на самую обезвоженную шутку, открыть нелепое устройство и выпустить из него волны смеха – искусственного, синтезированного, с шуршанием и лязгом. Необходимый эффект был, так как голодающий не привередничает над миской сырой хлореллы. А еще обнаружилась модель десантного модуля «Циклоп». Он, судя по всему, оказался в любознательных, но безжалостных руках, скорее всего отпрыска, изломавшего игрушку до степени, будто она и в самом деле побывала в тяжелой посадочной передраге. Казалось, эти вещи не имеют к Телониусу никакого отношения, но пока он их разглядывал и ощупывал, нечто кольхнулось в памяти. Подобные модули входили в игрушечный набор «Покори планетоид», где кроме кораблей имелись: рельефная карта поверхности и набор самодвижущихся фигурок. С их помощью и предстояло завоевать планетоид, то есть развернуть базу, оборудовать космодром, провести первичную разведку полезных ископаемых, принять вторую волну освоения. Найдись такая игра здесь, он бы не отказался в нее сыграть.

Воспоминание накатило легко и как бы между делом – Телониусу не пришлось напрягать ни единой мыслительной мышцы. Перед внутренним взором всплыли слегка размытые очертания небесного острова, дрейфующего в атмосфере Венеры огромным пузырем, и к острову он, Телониус, имел весьма важное отношение.

Тут, увы, вновь опустилась непроницаемая завеса забвения, но она не вызывала ни отчаяния, ни злобы, лишь досаду, заминку. Телониус прекратил обыск, вглядываясь в мысленную картину иных кубриков – не только обжитых, но и, можно сказать, обжитых с лихвой, переполненных метами неряшливого общежития, придававших им сродство с мусорными емкостями, опорожнявшимися лишь тогда, когда масса отходов достигала критической. В тех кубриках Телониус был незваным гостем, а когда там появлялся, то не считал нужным делать какие-либо замечания, в отличие от Брута...

Брут!

Тело, словно собранное из шаров различных объемов. Как те клайменоли, что выстукивали его напоминаниями дышать, двигаться, смотреть, слушать. Шар – голова. Шар – левый бицепс, шар – правый бицепс. Глаза – шары поменьше. И нечто связано у Телониуса с Брутом, неприятное, в обрывочных мысленных картинах он хватает его за шевроны на куртке и отрывает их.

– Почему ты меня предал, Брут? Ты, кого я сотворил... – Телониус сжимал в кулаке шеврон, на нем выцветала надпись «ГФ Венера», обнажая грубую строчку основы, читаемой «ИО», ничего не обозначающей в мироздании.

– Каждое творение имеет право восстать против тирании творца, – ответил Брут, – разве не о том говорит благовесть?

– Я не понимаю, Брут, ведь ты был одним из первых... ты был лучший!

Рябь воспоминаний складывалась, но, как понял Телониус, в обратном порядке, хотя имелось досадное, а может – как знать? – щадящее исключение.

Он не мог восстановить обстоятельства собственной смерти. Лишь некие тени проплывали по мысленному экрану, какие-то багровые кольца, пылающие пятерни, то ли приветливо, то ли угрожающе помахивающие из пределов забвения, дырчатые кубики. Смутные детали откалывались сливаться во вразумительное и логически последовательное течение. Парадокс? Но возвращенного интересовала не жизнь новообретенная, а событие, вырвавшее его из мира перживущих и низвергнувшее в возвращенца.

3. Вергилий

– Это скоро пройдет, – пообещали ему. Телониус резко повернулся туда, откуда излился мягкий голос внезапного гостя, несомненно сотрудника Санаториума, хотя облакал его не форменный комбинезон, а свободная хламида, скрывающая подробности тела. Лишь голова выставлена напоказ, полированная до блеска от макушки до скошенного назад подбородка.

– Я о вашей памяти, возвращенный Телониус. Это моя благая весть для вас, демиург. Ничто не теряется в мироздании, даже у светил своя память, она навсегда переживает их. Так и ваши воспоминания – блуждают по лабиринту мироздания, благо оно у нас небольшое... Земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу! Говоря откровенно, мы имеем некий набор средств, сокращающих период посттравматической амнезии, но предпочитаем естественное наполнение сосуда памяти. Только так болезненный процесс обретения былого Я происходит наиболее щадящим образом.

– Кто вы? – буркнул Телониус.

– О, мы с вами хорошо знакомы, Телониус. Я был вашими клайменолями, теперь же меня зовут Вергилий, – представился возникший ниоткуда в хламиде, Телониус так и не обнаружил в кубрике ни единого отверстия. Лишь гладкие желтоватые стены повсюду. Зато сонм клайменолей, к ним он привык настолько, что не обращал внимания, привычно подчиняясь командам, действительно исчез, растворился, а может, если Вергилий не шутил, и впрямь слился в него.

– Вы захотели, и я появился – ваш лощман в пределах Санаториума, – добавил Вергилий. – Если может быть божественная комедия, то почему не быть божественному шуту? Вы время даром не теряли. – Он кивнул на разобранный игрушечный «Циклоп», лежащий на столе в таком виде, словно Телониус готовился устроить ему генеральную починку. – Что есть игра, как не творение новых, небывалых миров по установленным правилам?

Заметив, что Телониус собирается возразить, Вергилий умиротворяюще поднял руки:

– Да, да, да, я прекрасно отдаю себе отчет – вы взрослый, самостоятельный и, невзирая на привходящие обстоятельства, вполне способны позаботиться о себе. Более того – возможно, не нуждаетесь в лощмане, вовсе не собираетесь тратить здесь время, твердо решив побыстрее отправиться восвояси и не злоупотреблять нашим гостеприимством. – Речь Вергилия лилась настолько широко и свободно, что Телониус не находил в ней ни единого островка. Не за что уцепиться, чтобы бросить ракушку ответной реплики. Пришлось дослушать вдохновенное речение до того, как иссякнет полноводный источник, и произнести:

– Где выход?

Смиренным ответом подопечный ухитрился выразить, что готов принять Вергилия как лощмана, но сохраняет право на стремление к свободе. Вергилий, не ожидавший подобного, слегка поперхнулся, но тут же широко улыбнулся, ткнул пальцем под ноги, где возникло отверстие.

– Часть отсеков Санаториума заполнена водой, часть – газом. Сделано это по рекомендации социопсихологов, полагающих, что именно такая конструкция обеспечит лучшую адаптацию возвращенных, – пояснил Вергилий. – Поэтому небольшое наставление – если не находите выход в стене, ищите в полу, вполне вероятно, он скрывается за неприметным люком дренажной системы. Только хочу предупредить – Санаториум сродни лабиринту, в нем очень легко заплутать. Кое-где протянуты направляющие нити, но лучше держитесь меня. Я – ваша самая надежная нить, Телониус. Ну, готовы? – Вергилий протянул руку, предлагая ухватиться за нее, как отпрыску, сделал шаг и без всплеска погрузился в воду.

Телониус последовал за ним. Он было решил, что за время, проведенное на Венере, утратил навыки столь архаичного способа передвижения, но руки и ноги двигались нужным образом. Телониус сделал несколько мощных гребков, осмотрелся, выискивая Вергилия. Тот ожи-

дал его, ухватившись за страховочную скобу одной рукой, а другой делая непонятный жест. Телониус сразу не понял, и лишь взглянув на демонстративно широко открытый рот лоцмана, сообразил: Вергилий предлагал ему дышать.

Телониус колебался, но все же последовал совету, пережив мгновение неудобства – перенасыщенная кислородом жидкость заполнила легкие, и пришлось сделать несколько энергичных вдохов-выдохов, изгоняя последние следы асфиксии.

Это действительно лабиринт – хаотическая череда затопленных и сухих отсеков, похожих на медные анклав. Он и сам явился из такого, только эти гораздо большие и в основном пустые если не считать направляющие нити. Однако Телониус так и не воспользовался ими, следуя собственной живой нити – Вергилию.

Ловко двигая руками и ногами, Вергилий плыл, поглядывая назад, убеждаясь, что Минотавр не отстает. Казалось, что с каждым гребком они уменьшаются, скукоживаются, а емкость с водой стремительно расширяется, наполняется светом, бьющим из многочисленных источников. Они пронзали толщу воды почти осязаемыми ослепительными колоннами. Минотавр собирался спросить Вергилия о цели путешествия, но тот вдруг остановился.

«Там, внизу», – показал Вергилий.

Минотавр присмотрелся и увидел уйму дрожащих пузырей, такие оставляют озерные пауки, заманивая в сети добычу.

«Что это? – сделал жест Минотавр. – Посмотрим ближе?»

«Если хотите». – Вергилий завершил череду жестов непонятным движением, повторил его, и лишь когда губы его растянулись в улыбке, Минотавр сообразил – так обозначается смех.

Больше всего увиденное походило на каких-то животных, из середины живота тянулся шнур, соединяющий их с ворсистой оболочкой сфер, внутри этих сфер они спали. Белесые тела, прорези жабр, хвосты. Их можно было назвать головоастиками, если бы не размеры и не диковинный шнур.

«Что это?» – повторил жест Минотавр, но Вергилий не ответил.

4. Судилице

Только когда они выбрались через мембрану в сухой отсек и избавили легкие от воды, Вергилий сказал:

– Так выглядят перед возвращением.

– Но они не подходят на нас!

– Возвращение не есть рождение, – заметил Вергилий. – Его нельзя назвать в полной мере биологическим процессом, в нем больше физики, сохранения информации и энергии. Е равно пси цэ квадрат. Ничто в мироздании не исчезает бесследно – ни материя, ни разум, они переливаются из одной формы в другую.

– Зачем? – Минотавр встал под тепловой душ, ощущая, как потоки воздуха высушивают капли воды с кожи.

– Не понимаю вопроса, – признался Вергилий. – Поясните.

– Зачем возвращать тех, кто умер? Разве не в том смысл развития – на смену умершим приходят новые и новые поколения? Зачем тащить со свалки стол, если можно сделать новый?

– Хм, любопытное сравнение, особенно если учесть, кто его высказывает... – пробормотал про себя Вергилий. – Вы недовольны возвращением, Минотавр? Предпочли остаться в небытии, в которое канули волею случая, в расцвете, на пути к достижению цели всей вашей жизни? Поймите правильно, в силу определенных обстоятельств и правил Санаториума я не располагаю исчерпывающей информацией о возвращенных. Неэтично, если бы мне пришлось скрывать от вас подробности вашей биографии. Но, как подсказывает мой опыт, возвращенные еще никогда не протестовали против новой жизни. Что же касается вопроса – в чем цель Феодоровского процесса, то ответ на него заключается в личности. Все мы личности, то есть неповторимые и уникальные по совокупности внутренних и внешних характеристик существа. И потеря каждой – невосполнимый ущерб для мироздания, разве не так? Сюда, пожалуйста, – показал Вергилий на нужное ответвление коридора. – А представьте, если цивилизация в целом есть смертная сущность, то сколько бы терялось из того, что иному разуму удалось накопить за время своего существования! Уверен, когда-нибудь мы научимся улавливать иные сущности мироздания, жившие за эоны до нас, возвращая если не самих тех существ, то, по крайней мере, их достижения в восхождении к вершинам разума.

Они оказались в населенной части Санаториума – там и тут появлялись возвращенные, в подобных же комбинезонах, как у Минотавра, проплывали лоцманы в таких же хламидах, что носил Вергилий. Вид лоцмана и тех, кто появлялся на их пути, убеждал в соблюдении общего правила – в космосе никаких волос. Модницы обходили правило при помощи париков и накладок самых диких форм и расцветок.

Сидевший на корточках отпрыск привлек внимание Минотавра, и он замедлил шаг, прежде чем сообразил – копна волос, спутанных и растрепанных. Вот что отличало его от прочих! Конечно, логичнее принять волосы за украшение, скрывающее голую кожу, но вряд ли кто щеголяет искусственными волосами в столь удручающем состоянии. Волосы отпрыска выглядели настоящими.

Отпрыск играл с дырчатыми кубиками, сложная конструкция испускала из отверстий струйки пара. Оторвавшись от игры, он тоже посмотрел на Минотавра, улыбаясь как знакомому. Минотавр погладил рукой собственный идеально голый череп.

И вновь необъяснимое искажение произошло с Минотавром: ему казалось, будто он, приближаясь к играющему отпрыску, становится крошечным, и достаточно протянуть руку, чтобы ухватить его и поместить среди дырчатых кубиков словно фигурку.

Почувствовав, как подопечный замедляет шаг, Вергилий взял его под руку:

– Следует поторопиться. Скоро наша очередь на очистку.

– Очистку? – Минотавр отвел взгляд от отпрыска, и того тут же заслонили ходившие по коридору возвращенные. Наваждение с искажением масштабов испарилось. – Что за очистка? Я не хлорелла, чтобы меня очищать.

Вергилий хмыкнул:

– Так мы называем процесс реабилитации возвращенных. Сейчас ваша очередь предстать перед... пантеоном. Им будет определено ваше дальнейшее местопребывание вне пределов Санаториума.

– Вы не предупредили об этом, – резко бросил Минотавр. – То есть это не прогулка, а судилище?

Вергилий смутился, принялся разглаживать подол хламиды.

– Видите ли, – сказал он, – всякое случается... поверьте горькому опыту... возвращенные порой болезненно реагируют... а время не терпит, у нас повышенная нагрузка, поток нарастает...

– Вам не хватает планомерности, – сурово указал Минотавр. – Впрочем, не мне судить о делах ваших. Где судьи?

– Судьи? Ах вы об этом... Видите ли, Минотавр, они не вполне судьи, вам следует подготовиться, собраться... Хоть и времени капля...

Бормотания Вергилия сбили с толку. Они остановились перед массивным люком, похожим на те, которые разделяли жилые отсеки толкача и активную зону двигателей Кузнеца, что наводило на подозрения относительно истинных намерений лоцмана. Минотавра захлестнула безумная мысль – а не является ли Вергилий истинным вершителем судеб возвращенных, оценивающим их пригодность к жизни? Если его вердикт такого права не подтверждал, то Вергилий по совместительству исполнял роль палача, заманивая отбракованный экземпляр в зону абсолютного распада, где термоядерный синтез так распыляет тело и разум, что им больше не грозит возвращение.

Мысль действительно имела температуру безумия не меньшую, нежели в двигателях Кузнеца. Когда массивный люк неожиданно легко распахнулся, а из отверстия пахнуло влажностью, Минотавр, стряхнув сжимавшие локоть пальцы Вергилия, набычившись и стиснув кулаки, нырнул в туманный полумрак, намереваясь высказать судилищу все, что он о них думает... конечно, если их вердикт пойдет вразрез с его планами. То, что память о прошлой жизни пока не восстановилась, Минотавра не смущало, а даже усугубляло положение судей, присвоивших право вершить судьбы тех, кто толком не мог понять – откуда они и кем являлись до прискорбной своей кончины.

5. Вердикт

Под ногами хлюпало безукоризненно воспроизведенное болото, там и тут темнели кусты, топорщились деревья, стелился туман. Минотавр, однако, и мысли не допускал, будто хоть что-то из пейзажа существует в действительности. Материально воспроизводить подобное – задача нетривиальная, как подсказывала ему не память, не знание, а интуиция. Впрочем, он не стал доискиваться до источника убежденности в том, что видит всего лишь имитацию, а шел дальше по отмеченной светящимися грибами тропинке, пока не оказался на полянке, где его ждали.

Меньше всего Минотавр ожидал встретить их. Три фигуры возвышались над ним, точно сплетенные из плотного дыма, не имея четких границ, зыбкие, но осязаемые. Их наполняла материальность высшего рода, перед ней пасовало даже то, что можно взять в руки, ощупать, обнюхать, попробовать на вкус.

Перед Минотавром возвышались Справедливость, Милосердие и Целесообразность. Их идеи мозг выдал без сомнения, как и должно при встрече с гипостазами.

– Подойди и выслушай благую весть, что уготовлена тебе, – прогреготал гипостазис Справедливости. Дымная фигура изогнулась, колосс решил поближе рассмотреть стоящее у его подножия крошечное существо. – Он отмечен пороком и преступлениями, – вынес приговор гипостазис, и Минотавра пронзил холод такой глубины, что он обхватил себя за предплечья, пытаясь унять дрожь.

– Что творил, не ведал он, – мягко возразил гипостазис Милосердия, – а ведал когда, то оправдание искал и находил в бремени долга, что лежал на нем.

– Полезный, – подытожил гипостазис Целесообразности.

Затем гипостазиы склонились друг к другу, их дымные тела соприкоснулись, меж них лениво зазмеились молнии, отмечая высший тип общения, непостижимый для разумных существ. Минотавр поймал себя на том, что смотрит на них с разинутым ртом, стало стыдно, ведь кто-то мог притаиться в кустах и подглядеть столь недостойную картину – распущенный рот, готовый словить насекомое, и струйку липкой слюны. Он даже осмотрелся и, к немалому изумлению, обнаружил – да! именно так и есть – за ним наблюдали, причем вполне открыто, дерзко и насмешливо.

Все тот же отпрыск с копной растрепанных волос стоял поодаль, скрестив руки на груди. И здесь, в неверном свете сумрачного леса Телониус отметил еще одну важную деталь – во что он одет. Это был древний скафандр, когда-то бело-оранжевый, теперь выцветший до состояния, когда вещь, как ни вычищай, выглядит нечистой и неопрятной.

Отпрыск несколько не смутился от того, что Минотавр обнаружил его присутствие, даже наоборот – будто этого ждал – вытянулся во весь невысокий рост и принялся махать руками – нечто знакомое, но слегка подзабытое. Лишь глядя на старательно артикулирующие губы, Минотавр понял – отпрыск использует весьма архаичный стиль жестикуляции.

И. О.

Ио? Что такое «ио»? Или где такое Ио? Пояс астероидов? Телониус покачал головой, надеясь, что тайный подсказчик поймет его недоумение. И он, кажется, понял, так как шлепнул себя по губам, словно стирая ошибочное слово, и на этот раз получилось иначе:

В. Н. Р.

Акцентировку гласных звуков он упустил, то ли копируя стиль бывалых космоплателей, то ли просто не владея нужными жестами. Минотавр проделал дополняющую операцию и получил:

ВеНеРа. Венера. Венера!

Тем временем гипостазисы завершили совещание, молнии угасли, и дымная Целесообразность склонилась к Телониусу, обдав его сложными запахами. В них смешались болотистая чащоба и нагретые долгой работой механизмы.

– В Пояс астероидов на рудники направляешься ты. Ариадны рудник пребывания место. Оборотов десять стандартных обязательный срок.

– Постойте! – Минотавр отчаянно замахал руками, возвращая внимание гипостазисов. – Я не хочу в Пояс астероидов! Я не желаю копать мертвые камни, я хочу творить новый мир! Отправьте меня на Венеру, если необходимо, готов отработать больший срок. Прошу! Требую!

Над ним склонился гипостазис Справедливости:

– Это нарушит наш приговор справедливый, ибо никто, кроме нас, не ведает, где из пятнадцати лун великих и малых тот, кто вернулся, должен работу свою совершать, дабы трудом беспорочным благо творя во славу того, чье имя не вправе никто в суете опорочить.

– Но предупреждаем, – проворчал гипостазис Целесообразности, – вердикта ослушаться вздумается если тебе, подобных управа имеется на – о клейменоях помни, о возвращенный.

– Время быстро промчится, и не заметишь, как вновь обретишь ты свободу, вольный так поступать, как ум тебе твой безупречный подскажет, – завершил речь триады гипостазис Милосердия.

– Ступайте! – Сказав в унисон, гипостазисы потеряли к Минотавру интерес, замерев дымными колоннами, на чью недостижимую высоту не доносились ни просьбы, ни мольбы, ни проклятия.

Минотавр обреченно посмотрел туда, где прятался отпрыск, но никого не было. Видение? Краткое помутнение рассудка? А как еще назвать опрометчивую попытку вступить с гипостазисами в препирательства, пытаясь изменить вынесенное ими решение?

Вергилий ждал. Он покоился в седалище, вытянув далеко ноги, сцепив узловатые пальцы на животе, и рассеянно беседовал с объемистой возвращенной в алом тюрбане. Узрев Минотавра, он немедленно вскочил и бросился к нему, подхватил под руку и оттащил к нише с пустующей скамьей.

– Ну, рассказывайте, рассказывайте. – Вергилий дергал Минотавра за рукав комбинезона. – Как прошло? По вашему лицу вижу – на достойном уровне... А то знаете, как некоторые относятся к подобным процедурам? Я поэтому и не поставил вас в известность об истинной цели нашей прогулки. Подумал – к чему тревожнения? Пусть тревожится там, внутри, перед ними. Куда вас?

– Пояс астероидов, – сказал Минотавр. – Какие-то рудники... Точнее, рудник Ариадны, так они сказали.

Вергилий всплеснул ладонями:

– Вам исключительно повезло! Воистину благая весть! Рудник Ариадны – уникальный источник космического жемчуга... Лабиринты шахт, где трудятся возвращенные. Вам найдется место по умению.

– Я просился на Венеру, – помрачнел Минотавр, хотя, учитывая, что о ней он вспомнил лишь по подсказке непонятно откуда вынырнувшего отпрыска, источник недовольства оставался непонятен ему самому. Что ему Венера? И что он Венере?

– Просились? На Венеру? – озадачился Вергилий то ли из-за выявленной Минотавром способности препираться с гипостазисами по поводу своей дальнейшей судьбы, коей он, исходя из обстоятельств, никоим образом не распоряжался, то ли из-за желаемого им пункта отбывания предписанной возвращенным повинности. – Но...

Вергилий, готовясь произнести речь о подобающем поведении возвращенцев, набрал глубже воздух, но Минотавр зашагал прочь по лабиринту Санаториума, намереваясь вернуться в кубрик и обдумать приключившееся с ним после возвращения. Того, что было с ним до,

он пока не вспомнил, а потому раздумывать над тем, чем не владеешь, пустая трата воды в клепсидре.

6. В свои разрушенные тела...

Водоросли на вкус оказались выдающимися даже по сравнению с тем, что Минотавру удалось попробовать в предыдущие сеансы кормления. Их отвратительный вид целиком и полностью раскрывал вкусовое содержание, ничем не пытаясь его приукрасить, а даже усугубляя. Пусть вкушающий их будет готов к худшему. Извлекалась хлорелла из огромных медных баков-анклавов, как две капли воды похожих на те, из которых происходило возвращение, что вряд ли добавляло аппетита, вызывая неуместные ассоциации. Каждый раз зачерпывая зеленую массу из миски, Минотавр внутренне содрогался от хлюпающего звука, от шевеления водорослей, будто намекавших – они отнюдь не полуфабрикат, а самое что ни на есть живое, а главное – питательное и полезное для организма, прошедшего горнило Феодоровского процесса. Мертвенная стылость и липкость продукта усиливали желание спустить содержимое миски в утилизатор. Но бдительные Вергилии, стоявшие по периметру столовой, следили за подопечными, чтобы те неукоснительно следовали предписанной диете. Единственный способ облегчить участь – не смотреть на то, что отправляется в рот.

Впрочем, смотреть по сторонам тоже особо не на что и не на кого. Характерной чертой Санаториума, кроме ужасающей запутанности коридоров и отсеков, являлась вызывающая блеклость окружающей обстановки, возможно намеренная. Возвращенных не стоило подвергать буйству красок, оберегая их апперцепцию. На деле блеклость вызывала физическую тошноту – взгляд отказывался зацепиться хоть за что-то выдающееся. Единственное спасение – разглядывать тех, кто рядом, удовлетворяя одновременно сенсорное голодание. Минотавр не сразу сообразил: раздражала манера других возвращенных окатывать его взглядами, точно выискивая в фигуре и лице нечто такое, что могло вызвать хоть какую-то сильную эмоцию на равнодушных физиономиях, никак не вяжущихся с обретением жизни новой. Через некоторое время он поймал себя за тем же занятием. И хотя не изменил к подобному занятию отрицательного отношения, продолжал ему придаваться, особенно здесь, где мерзкие водоросли обостряли жажду новых впечатлений. С каждым посещением столовой у него крепла ничем не подтвержденная и вряд ли имеющая отношение к гипостазису истины уверенность: всех возвращенных, его окружавших, он каким-то образом знал и знал весьма близко. В лицах, к тому же, обнаруживалось трудно уловимое, но все же осязаемое сходство. Пожалуй, по генетической цепи они происходили из единого источника.

Сидевшая напротив Минотавра возвращенная оказалась естественным центром притяжения его внимания. При иных обстоятельствах она бы ничем не выделялась из сонма других – лысая, худая, с длинными неловкими руками, она умудрялась зацепить даже столь скудно расставленные столовые приборы. А нервические пальцы упрямо старались избавиться от тяготящей ее обязанности держать ложку и миску, ими она непрестанно шевелила. Торопливо сделав глоток похлебки, соседка бросала ложку, освобожденные руки шарили по столу, пока не нащупывали кусочки запеканки из все тех же водорослей и с тем же вкусом. Руки хватили с голодной цепкостью эти кусочки, но не отправляли в рот, а скатывали в шары и колбаски – заготовки дальнейших превращений. Руки и пальцы жили отдельной от возвращенной жизнью, лицо ее сохраняло неподвижность, а глаза болотного цвета смотрели вбок, словно тщились рассмотреть нечто рядом, но к чему по некоей причине невозможно повернуться. Из получившихся заготовок пальцы лепили крошечных существ, причем весьма ловко, невзирая на скверную пластичность исходного материала, не приспособленного для подобного употребления. На столе выстраивался хоровод забавных фигурок, она затем с остервенелой тщательностью им отрывала головы. Когда возвращенная уходила, безголовые фигурки оставались на столе, пока уборщик не сметал их в анклав вторичной переработки.

Минотавр поначалу украдкой, а затем все более открыто следил за соседкой, но она не проявляла к нему интереса. При всей блеклости, стертости в возвращенной таилось нечто, заставлявшее Минотавра думать о ней даже во время тренировок на горнопроходческих агрегатах, где он постигал искусство управлять рудоедами класса «цербер» – громоздкими механизмами по выгрызанию полезных ископаемых из малых небесных тел. Вероятно, в прошлом подобное занятие занимало существенную часть его жизни. Беглого ознакомления с уроком Минотавру вполне хватало, чтобы ловко и умело повторить всю последовательность операций на «цербере». Этот гигантский рудоед был похож на паука, многочисленные лапы вцепились в каменистую, прокаленную почву планетоида, а огромные зубастые пасти ковшей отхватывали куски породы, направляя их в пищеварительный тракт. Там порода превращалась в бруски полезных металлов. Голосовой помощник «Пасифия» мягко инструктировал Минотавра, объясняя тонкости рудоедного дела и управления «цербером», не обращая внимания ни на грубость подопечного, ни на его подколки, что выдавало его машинное происхождение, несмотря на симулируемую заботу. Управлялся рудоед через анклав, наполненный «жидким пластиком», более плотным, чем вода. Дыхание в нем затруднялось, и в анклаве имелась система дополнительного нагнетания кислородсодержащей жидкости в легкие, и после занятий казалось, будто грудь по горло забита твердой субстанцией. Любое неловкое движение зубастыми пастьями приводило к выбросу в пространство туч камней, угрожавших многочисленным транспортным устройствам. Они сновали между астероидами, собирая руду на контейнеровозы для отправки на теллурические планетоиды Системы. Тем не менее от работы Минотавр получал удовольствие, ощущая себя демиургом, превращающим грубую материю в пластичный металл.

Как отмечал Минотавр, когда досрочно завершал занятие, получив традиционно высокую оценку, его будущие коллеги-рудоеды не отличались подобной ловкостью. Стаскивая маску и контактные перчатки, прежде сдав наставнику Бруту ключи управления, Минотавр неторопливо шел вдоль рядов плавающих в анклавах тел, погружившихся в туманные облачка по плечи, и по их неловким движениям мог определить – какая часть процесса не дается обучаемому. После душа на выходе из тренировочного отсека его ждал Вергилий с неизменным выражением интереса к успехам подопечного на физиономии и устах.

7. Саломея

– Саломея, – сказал Вергилий. – Саломея Нерис.

Минотавр, ощущая в мышцах привычную и приятную натруженность, не сразу сообразил, о ком толкует наставник.

– Ваша соседка по столовой, – пояснил Вергилий. И перевел разговор на достижения Минотавра в деле горнодобычи, посчитав собственный долг исполненным – две одинокие души возвращенных представлены друг другу, ибо Вергилий Саломеи также назвал ей имя того, кто черной башней возвышался над столом во время приемов пищи.

Минотавр ожидал, что теперь Нерис как-то проявит к нему интерес, но поведение ее несколько не изменилось, сам же он не хотел завязать с ней беседу, поначалу ни к чему не обязывающую, а затем, со временем, быть может, и дружескую. Казалось, Саломея является в столовую лишь для одного – заполучить в руки кусочки запеканки из хлореллы и что-нибудь из них слепить. Ее манипуляции с мякишами завораживали Минотавра. За движениями тонких пальцев с набухшими узлами костяшек угадывалась почти магнетическая способность манипулировать податливыми веществами, и если из запеканки получалось в основном нечто безобразное, то причина – негодность исходного материала.

Дни в Санаториуме различались лишь условностью распорядка, а не переменой светового режима, даже условной ночью лампы горели равно так же, как и условным днем. Однажды Минотавр осторожно, чтобы не испугать, положил перед Саломеей брусок пластмассы, какую используют для латания дыр в пустолазных костюмах. Бруском он разжился в одно из занятий по борьбе за живучесть рудоеда, когда по вводной в гигантскую машину попал шальной микрометеорит, пропущенный системами дальней и ближней локации. По той же вводной добыча шла на разрезе радилирующих материалов, а потому радиационный фон в смертельное количество раз превышал норму. На занятии Телониус, облаченный в тяжеленный костюм высшей защиты, проклял все и всех, пока отыскал глубоко в трюме «цербера» трещину, через которую утекала перенасыщенная кислородом жидкость, и заделывать ее пришлось подобным бруском пластмассы.

Именно там, скрючившись над трещиной, насколько позволял громоздкий костюм высшей защиты, Минотавр внезапно вспомнил тонкие подрагивающие пальцы Саломеи. Они пытались справиться с мякишем из хлореллы равно так, как он пытался справиться с упрямым бруском пластмассы, не желавшей укладываться на аварийное отверстие герметизирующим слоем.

Поначалу Нерис никак не отреагировала на подношение соседа, продолжая сосредоточенно трудиться над привычным материалом и не ответив на слова Минотавра:

– Попробуй это. Оно лучше подойдет.

Пришлось содрать упаковку, отщипнуть и скатать из пластмассы шарик, даже в руках Минотавра – широких и грубых – получившийся удивительно ровным и гладким. Положив шарик перед Саломеей, он стал ждать, словно тритон, стерегущий малька. Это походило на детскую игру – делай как я, делай как мы, делай лучше нас. Шарик заинтересовал Нерис. Она взяла его, сдарила, поднесла к выпуклым глазам, пытаясь удостовериться, что ощущения не обманули, затем раскатала шарик в колбаску, а потом... Произошло чудо. Будь Минотавр на каплю менее сдержан, он непременно захлопал бы в ладоши. Неуловимо для глаз кусочек пластмассы превратился в фантастического зверя. Из глубин запечатанной памяти Минотавру так и не удалось извлечь его название, да и вряд ли где могло обитать столь грозное чудовище с отягощенной рогами звериной башкой. Минотавр ощутил удовлетворение собственным могуществом, благодаря которому и от щедрот своих он одарил несчастное и ущербное существо благовестью демидурга извлекать из небытия то, что еще никогда не существовало в мироздании.

Результат поразил и саму Саломею. Она прижалась щекой к поверхности стола, словно пытаясь оказаться вровень с фигуркой, пальцем подвигала ее, устанавливая в правильной проекции, и долго-долго смотрела, пока внезапно не выпрямилась, резко и неожиданно, что Минотавр слегка отпрянул, занесла сжатую в кулак руку и со всего размаха ударила по фигурке, превратив ее в тонкий блинчик, который так и остался на столе. Сама Саломея исчезла, как всегда не попрощавшись. Однако брусок пластмассы она унесла с собой.

Несколько последующих суток ничего не происходило, за исключением того, что Саломея прекратила возиться с мякишем запеканки. Она завела иную привычку – быстро съесть похлебку, запихивать в рот полагающиеся добавки, дабы обслуживающий персонал одобрительно кивал, видя подобную старательность в получении предписанных нормами энергии и веществ, и убегала, проведя за столом столь краткое время, что даже Минотавр, сам не любивший расслаиваться над тарелками, не успевал разделаться с ферментированными водорослями. Сложив четырежды четыре, Минотавр не усомнился, что тому причина – его, возможно, неосторожный, подарок. Трудно представить, будто здешние врачи и Вергилии не могли дойти до столь простой идеи – обеспечить возвращенную тем, что требовалось ее рукам, а именно – глиной, пластмассой, пластилином, да хоть пластиковой взрывчаткой, ее щедрыми потоками заливали в рудоеды дробить особо твердые места породы. Поскольку для взрыва требовался электроразряд строго определенных параметров, то пластиковая взрывчатка могла безопасно служить подсобным материалом для скульптора.

8. По следу

Беспокоясь, что он, не ведая того, нанес возвращенной Саломее непоправимый ущерб, в один из скоротечных визитов в столовую Минотавр последовал ее примеру, заглотив все предписанные питательные вещества и все же не опередив соседку (размер их порций соотносился как размеры тел), опрометью кинулся вслед за Нерис, скрывшейся за мембраной столовой.

В этой части лабиринта Санаториума ему бывать не доводилось. Он запутался, заплутал и лишь по счастливой случайности заметил далеко впереди знакомый комбинезон Саломеи, окрашенный геометрическими фигурами всех оттенков зеленого. Это делало ее похожей на ящерицу, длинную, стройную, вышагивающую с неподвластной иным существам грацией.

Не думая о том, что своим поведением может нарушать восьмерки правил Санаториума, Минотавр припустил бегом, перескакивая с кочки на кочку, разбрызгивая лужи и крошечные болотца. В нем пробудились древние инстинкты, когда далекие дикие предки вот так же с восставшим зеббом скакали по болотам, потрясая острогами, стуча в грудь и зычными криками привлекая самок. И хотя острой он не обзавелся, в грудь не стучал, да и самку преследовал отнюдь не из природных побуждений продлить свой род, но дышал столь же шумно, да и вид имел устрашающий. Встреченные на пути, все как на подбор противоположного пола, с испугом и вскриками уступали дорогу, и Минотавр желал лишь одного – чтобы персонал Санаториума как можно позже вмешался в действие.

Несколько раз за время погони Минотавр переживал непривычное ощущение изливания из тела, словно оно соскальзывало с него застывшей оболочкой и оставалось неподвижным. А его нематериальная сущность по инерции делала несколько скачков вперед, прежде чем осознавала, что шкура осталась позади, а потому необходимо вернуться, вместиться в нее и вновь заставить двигаться. Он несколько раз оборачивался, и ему даже казалось, будто видит застывшую посреди коридора полупрозрачную фигуру, подобную его собственной. Это задерживало преследование, давая Саломее дополнительную фору.

Казалось, что он никогда ее не настигнет, хотя она теперь двигалась неторопливо, а он неся за ней вприпрыжку и при иных обстоятельствах настиг бы любую юркую добычу, какая только могла водиться в топях. Но расстояние между ними сокращалось неохотно, будто они превратились в гипостазис апории про комара, который в полете никак не мог догнать ползущую улитку. Нерис помедлила перед возникшим среди низкорослой растительности люком, открыла его и нырнула внутрь. Когда Минотавр в четыре прыжка оказался там же, перед ним сгустилась громадная фигура в знакомой хламиде. Искажение масштаба оказалось столь велико, что Минотавр ощутил себя крошечным существом – гигант пальцем мог раздавить его.

– Не стоит, – предупредил Вергилий. – Вы и так нарушили достаточно правил и предписаний, поэтому настоятельно требую не усугублять содеянного.

Минотавр набычился, стиснул кулачища. Гигантская фигура Вергилия казалась серьезным препятствием, хотя он и был уверен – она всего лишь иллюзия, и его лоцман в лабиринте Санаториума остался таким, каким и был – бодни в живот, и переломится, но Минотавр колебался, прежде чем одолеть последний рубеж на пути к разгадке Саломеи.

– Почему?! – прорычал Минотавр.

Вергилий вытянул руку и приложил ладонь к груди Минотавра. И тот ощутил, будто перед ним возникла неодолимая стена, препятствие, которое не одолеть никаким усилием сил и воли. Тотальность такого ощущения словно воронка сливного отверстия, туда бурным потоком устремились силы, до сих пор двигавшие Минотавром. Его сразила глубочайшая усталость, он покачнулся, попытался опереться хоть обо что-то, но сил не хватало даже на легкий взмах руки.

Тело его растянулось на решетчатых поёлах, они казались мягче спального мха, располагая погрузиться в глубочайший сон.

И явилось Минотавру видение, которое и сном нельзя назвать, так как нечто неуловимо отличало его от картин, посещавших каждого, кто спал, хотя и не всегда оставлявших в памяти след. И в этом видении была Саломея, вот только сам он, наблюдавший за ней, был кем-то другим, кто знал Нерис очень давно и ощущал к ней нечто, что не укладывалось в гипостазис праздного любопытства. Ярко освещенный отсек уставлен подставками со скульптурами, Минотавр тщетно пытался определить – что данные скульптуры воплощали.

– Мы – это всё, что у тебя есть, – раздался голос, и звучал он необычно, пока Минотавр не сообразил, что говорит тот, чьими глазами он воспринимает происходящее. – Пожалуйста, вспомни! Нерис! Саломея... Ариадна, протяни мне свою нить, это же я, твой Минотавр! – Говорящий приблизился к Саломее, сидевшей на высоком сиделище перед комом влажной субстанции. Возвращенная была сосредоточена на чем-то исключительно внутри нее и задумчиво жевала пряную бодрящую палочку. Но вот она протянула к бесформенной массе руки, но не коснулась ее, а водила над ней кончиками нервных рук с удивительно крупными, болезненно распухшими суставами. И вот поразительно – субстанция ощущала близость пальцев, по ней, в согласии с их движениями, пролегли вмятины, борозды, отчего возникало ощущение, будто внутри пряталось нечто живое, стремящееся вырваться, словно из икринки, если только существовали подобные икринки – бесформенные, с глинистой оболочкой.

9. Возвращение памяти

Тот, в ком пребывал Минотавр, тоже протянул руку, Саломея пыталась ее оттолкнуть, но тот оказался ловчее – вдавил в субстанцию нечто, похожее на светящуюся горошину – крохотную и переливчатую. Нерис издала горловой звук, стараясь скovyрнуть посторонний предмет. Горошина вспыхнула, и в воздухе всплыло изображение семьи с тремя отпрысками еще в том возрасте, когда непросто определить – кем им предстоит оформиться. По крайней мере, сам Минотавр, опытом отцовства или близкого знакомства с отпрысками не обладавший, затруднился бы подобрать им подарок на день рождения – куколок или строительные кубики.

– Чудо, что я здесь, в этом лабиринте... если бы не протекция Червоточина... он сказал слово, дабы память вернули именно тебе! Мы должны благодарить его... Вот, это мы! Разве не узнаешь себя? наших отпрысков?

Одну руку он положил ей на плечо, стараясь прекратить ее пассы над субстанцией, а другую протянул к голоизображению, погрузил в него пальцы, отчего оно пошло пятнами, стало расплывчатым. Говоривший будто и не обращал на это внимание.

– Не надо, прошу, не надо... Это лишь грубая материя, податливая твоим пальцам, но посмотри на меня, вот я, во плоти, и не надо творить меня... я здесь, настоящий, посмотри, вот он я, посмотри...

Минотавр поначалу не понимал, чего тот добивался, и догадался лишь когда подушечки пальцев замерли над голографическим двойником Саломеи – гораздо более молодой и, если такое возможно, более живой, нежели тень, каждые сутки в предписанное расписанием время переступавшая порог столовой. Говоривший тоже это чувствовал! А вернее сказать – остро переживал то, что Нерис во плоти лишь бледная копия голоизображения, и он пытался установить между ними нечто вроде сообщающегося сосуда, соединительного провода, замкнув их собственным телом, надеясь на чудо перелива жизни из голоизображения в возвращенную.

И Минотавру показалось, будто бесстрастное лицо живой Саломеи осветилось изнутри отблеском подлинной жизни, но тут же все прекратилось. Нерис резким движением выхватила шарик из глины, отшвырнула его, дернула плечом, стряхивая руку гостя, яростными ударами смяла вылепленные фигуры, села на корточки, обхватила колени, прижалась к ним лбом, словно превратившись в икринку, которой предстоит долго вызреть в тепле родового болота.

Резкая смена плана – нет ни Саломеи, ни ее пристанища, только длинный коридор, тусклый, кольчатый, какие обычно ведут к служебным отсекам (это подсказывала не память Минотавра, это знание, приобретенное во время тренировок на рудоеде класса «цербер»), изображение раскачивается, и Минотавр понимает: тот, чьими глазами он смотрит, еле сохраняет равновесие. Несколько раз он упал, с трудом поднялся, цепляясь за трубы гидравлики, и продолжил движение – упрямое и бесцельное, а рядом мельтешили обслуживающие механизмы, гул работающих двигателей нарастал, свидетельствуя о приближении энергетического сердца Санаториума.

– Что это? – спросил Минотавр, возвратившись в собственное тело.

– Уйдем отсюда, – сказал Вергилий и двинулся прочь, уверенный, что подопечный последует вслед за ним. Минотавр, помедлив, поколебавшись – не отбросить ли прочь повинование и все же разобраться в необычном наваждении, получив информацию непосредственно из рук с нервными пальцами, решил не перепрыгивать события – вдруг наставник на этот раз будет щедрее на разъяснения. И он двинулся за лоцманом, только сейчас, вновь плуруя по лабиринту Санаториума, понял, что вряд ли смог отыскать дорогу назад.

Вергилий и Минотавр молчали. Минотавр, ощущая себя словно провел несколько круглосуточных вахт на рудоеде, без перерыва на пищу и сон, прилег в гамак, а наставник опустился рядом с ним на сиденье, будто собираясь рассказать подопечному на сон грядущий

наставительную историю. Лишь когда оказались в кубрике, Вергилий произнес пересушенным голосом:

– Саломея Нерис – первая крупная неудача Феодоровского процесса.

– Что случилось с ее супругом? – Минотавр сражался с подступающей дремой, понимая, как важно получить хоть каплю информации, которая так его занимала. – И как он вообще оказался в Санаториуме? Разве такие встречи разрешены? – Последний вопрос даже взбудрил его самого, в случае положительного ответа можно было дознаться – кто он, Минотавр, такой, не дожидаясь гипотетического пробуждения памяти, казавшегося ему все менее вероятным. Что, если беспмятство – неотъемлемая черта Феодоровского процесса? Ведь забвение и есть превращенная форма смерти, доступная живым.

– Смелый, но неудачный эксперимент, – сказал Вергилий. – Попытка восстановить полноту Феодоровского процесса, призвав на помощь... близких. Позволение было дано только супругу, хотя он настаивал на присутствии отпрысков, уповая на материнские чувства Саломеи. Курирующие гипостазисы склонялись к расширению эксперимента, но гипостазис Осторожности возобладал. Последующие события подтвердили его правоту... Возвращенные на короткое время обладают способностью изменять окружающее мироздание по своему разумению, ибо у них еще не укрепился индекс реальности... червоточина в Феодоровском процессе, побочный эффект... Именно поэтому вас посылают столь часто на терраформовку Венеры.

– Значит, мы не есть то, чем были. – Даже сейчас, балансируя на лезвии сна и бодрствования, Минотавр вычленил важное, о чем проговорился, а скорее намеренно сообщил Вергилий. – И память – не главное, чем обделяемся на пути к воскрешению.

– Что есть смерть? – сказал Вергилий. – Согласно закону сохранения, ничего не исчезает, ничего не появляется из ничего. Все лишь преобразуется, меняет облик, перетекает в иные формы бытия. Даже самые примитивные наши предки, вышедшие из экваториальных болот, осознавали это. Вопрос лишь в прояснении формы, которую мы обретаем, пересекая границу жизни. Ответ на него пока не удалось получить. Те, кто возвращается, к сожалению, ничего не могут рассказать. И в этом проблема неполноты воскрешения. Кто-то лишается таланта, кто-то – семьи или чего-то еще... работы, например. Память восстановить можно, но зачем, если возвращенным она причиняет боль? Не всякий в силах ее терпеть.

– Ей восстановили память? – Минотавр приподнялся на локте. – Она вспомнила, кем была?!

– Увы. – Вергилий горестно кивнул головой. – Многие воспоминания – многие печали, как сказал некто давно, не прозревая собственной правоты. Печаль, когда лишаешься способности рисовать, играть на пианино, руководить... но не печальнее, когда лишаешься чувств к тем, кто был дорог, кого любил?

Минотавр схватил Вергилия за хламиду, сдернул с седалища и подтянул к себе:

– Я хочу! Вернуть! Память!

10. Ночной визит

Минотавру снился мучительный сон. Он пытался попасть на Венеру, но какой бы корабль ни выбирал, всегда оказывался на неизвестном ему небесном теле, лишь отдаленно напоминающем его цель. Тело именовалось непривычно – Ио. В нем чудилось известное сгущение «исполняющий обязанности», отчего по необъяснимой сновидческой логике он заключил, будто данный планетоид до поры исполнял обязанности Венеры.

Когда Минотавр открыл глаза и увидел рядом фигуру, то решил, что Вергилий, опасаясь за его состояние, провел это время на сиденье, оберегая покой и сон. На обычное поведение наставника это не походило. Но фигурка была и тоньше и мельче, и не столь бесформенна, ее не прикрывала хламида.

Тогда у Минотавра всплеснула безумная мысль, будто Саломея решила нанести тайный ответный визит соседу по столу. И ей все равно, что поведение Минотавра, в отличие от нее самой, ничем особенным не выделялось. Он является строго по расписанию, выхлебывает тарелку перебродивших водорослей и отправляется восвояси, если не обращать внимания на то, как пристально следил выпученными глазами за ее манипуляциями с мякишем, и не принимать в расчет бесцеремонную попытку проникнуть в тайну ее, Саломеи Нерис, личности. Об этом, Минотавр готов поклясться чем угодно, даже невернувшейся памятью, она наверняка не знала и не узнала. В конце концов он мог привлечь ее своей статью, которую она решила запечатлеть в субстанции, а затем в камне или даже металле. Ее манипуляции с запеканкой лишь попытки сделать модель могучей фигуры Минотавра. Но самодовольная и льстивая мысль уплыла, так как фигурка протянула к нему руку и потеревила за плечо:

– Вставай, Телониус, вставай. Я принесла тебе благую весть!

Ошиблись гамаком, понял Минотавр. Где спит этот Телониус? Кстати, какого-то Телониуса поминал в своем бормотании Вергилий, но тогда Минотавр пропустил это мимо ушных отверстий. Минотавр приподнялся на локте.

– Телониус в другом гамаке, – ворчливо, как и полагается тому, чей сон бесцеремонно прервали, сказал Минотавр. – Или другом отсеке. Здесь только я, Минотавр.

Но фигурка не растерялась, не вскочила, разливаясь в извинениях за допущенный промах, а наоборот – издала короткий смешок:

– Телониус – это ты. Или предпочитаешь называться Минотавром?

Сон высох до дна, как только он сложил четырежды четыре. Рывком сел в гамаке, сгреб фигурку, подтянул к себе, чтобы разглядеть ночного посетителя и с изумлением убедиться в том, что уже встречал его в Санаториуме. Отпрыск в потрепанном древнем скафандре.

– Кто ты? – прорычал Минотавр с самым свирепым выражением, дабы отпрыск струхнул. Бесцеремонное вторжение в личную заводь не следовало спускать никому, достаточно одного Вергилия, хотя тому хватало опыта не беспокоить его во время сна. – И что тут делаешь, гипостазис Послушания тебя подери?!

Но незваная ночная гостья не струхнула, не съежилась под грозным взором возвращенного, а сделала ловкое движение, после которого кулак Минотавра сжимал лишь пустоту, а она отодвинулась на безопасное расстояние.

– Нить. – Она сделала жест вежливого представления старшему. – И здесь, чтобы кое-что тебе показать.

– У меня уже есть Вергилий, – проворчал Минотавр. – Я не нуждаюсь в еще одном. Чересчур много нитей для одного лабиринта. Запутаешься. Пльви спать, отпрыск. Утром в столовой поговорим, если захочешь. – Он деланно зевнул, прекрасно понимая – отпрыск никуда не уйдет. Подобные взбалмошные создания не для того являются посреди ночи, чтобы

затем, по единому слову, отправиться восвояси. Более того, если бы Нить последовала его совету, Минотавр сильно разочаровался.

– Твой Вергилий говорил об отсеке номер четыре? – Нить пододвинулась ближе. И только теперь он ощутил особый запах, исходящий от нее. Словно от нагретой ремонтной смолы, запах механизма, нежели живого существа. Впрочем, возможно, пахивал ее древний скафандр.

– Мой Вергилий, – Минотавр движением пальца акцентировал первое слово, – много о чем говорил. Особо предупреждал: когда ночью поднимет отбившийся от рук воспитателей отпрыск по имени Нить, мне разрешается ее отшлепать, дабы неповадно было, и отправить в место постоянного проживания. Но я готов пропустить стадию экзекуции, если ты...

Нить не дослушала, сунула ему нечто круглое и направила к перепонке люка, ловко пнула ее, отчего та без лишнего звука раскрылась, сама остановилась на пороге и поманила Минотавра. Будто дрессированного зверька. Кругляк в руках Минотавра дернулся, и он разглядел, что сжимает клубок путеводной нити, какими обычно снаряжались новички в запутанных переходах космических станций.

11. Нить

Ночью коридоры Санаториума патрулировались гипостазисом Послушания, как объяснял Минотавру Вергилий. Поэтому любой, кому всплывет в беспамятную голову предпринять неурочную прогулку, да еще без сопровождающего, поздно, а скорее всего рано наткнется на одно из его проявлений и вернется в кубрик, снедаемый муками совести. Может, именно поэтому Нить вела Минотавра столь загадочно – короткие перебежки перемежались остановками, словно кого-то пропуская, хотя как Минотавр не прислушивался, ничьих шагов слышать не мог.

Нить уверенно выбирала коридоры и колодцы, несколько раз приходилось нырять, и отпрыск, к удивлению Минотавра, весьма ловко справлялся, несмотря на громоздкий, обвисший складками скафандр с выцветшими оранжевыми полосами. Он думал, что придется ее подталкивать, но под водой Нить двигалась даже увереннее. Она позволяла себе подшучивать над неповоротливым, по ее мнению, Минотавром, который давно лишился того инстинктивного навыка передвижения в водной стихии, что хранится в мышцах рук, ног, тела отпрысков. Нелепой рыбкой она кружилась вокруг Минотавра, поддразнивала, смеялась широко разинутым ртом, пуская воздушные пузыри.

Минотавр старался не обращать на проказы Нити внимания, сосредоточенно греб руками и ногами, держал дыхание, и в очередной раз задавался мыслью – не сон ли это, уж слишком легко он согласился последовать за беговым отпрыском. Нить не вызвала в нем ничего, кроме желания сцапать ее за ногу во время очередного проплыва вокруг него и наподдать, дабы неподданно было выкидывать шуточки со взрослым.

Раздражала она его, а не отцовские инстинкты будила, из чего Минотавр предположил – в предыдущей жизни отпрысками не обзавелся. И даже смутные предания о первоводных временах, когда жившие на материнских болотах племена в особо голодные периоды не брезгали пожиранием себе подобных, в основном, конечно, потомства, не казались Минотавру столь уж жуткими, он вполне допускал, как при определенных обстоятельствах подобный акт может стать родом гипостазиса милосердия, дабы отпрыски не мучились голодом, а взрослые восполняли силы для охоты и защиты племени.

Несколько раз им попадались иллюминаторы – редкость для Санаториума. Минотавр не преминул в них заглянуть, но не увидел ни звездного неба, ни светила, ни планетоидов, ни Пояса астероидов, а встретил его пейзаж побережья, где темные волны накатывали на черный песок, оттуда торчали камни. Чем-то знакомым сквозило от запечатывающей иллюминаторы картины, а то, что это проекция, сомневаться вряд ли приходилось, иначе следовало предположить, будто Санаториум находился не в космическом пространстве, а покоился на поверхности какого-то планетоида.

– Быстрее, быстрее, – поторапливала Нить. Они выныривали из наполненного водой отсека и продолжали путь по сухим переходам, не удосужившись воспользоваться сушильной, за ними тянулась цепочка лужиц, выдавая их путь преследователю, если бы таковой отыскался и взялся вернуть злостных нарушителей режима Санаториума на предписанные им места. – Сюда, сюда, ты разве не видишь?! Тут проход!

Эти слова Нити внезапно заставили Минотавра сделать малоприятное для собственного самолюбия открытие – за время пребывания в Санаториуме он не замечал, в общем-то, очевидного – коридорами и отсеками напоминавший лабиринт Санаториум таковым и являлся. Кроме непостижимой логики ветвления переходов он обладал частью, ловко замаскированной от возвращенных, поскольку именно на них и рассчитаны подобные иллюзии. Когда Нить шагнула в сторону и исчезла в стене, Минотавр замер на месте, пытаясь сообразить – является ли исчезновение отпрыска доказательством, что происходящее – всего лишь достоверный, но

все же сон, или в совершенно гладкой и непроницаемой на вид стене, покрытой бурыми разводами, имеется скрытое отверстие.

Даже когда Минотавр подошел к месту исчезновения Нити и внимательно осмотрел его, никакого люка, отверстия и даже трещины не обнаружил. Стандартно литая поверхность, протяни руку и ощутишь кончиками пальцев надежность, воплощенную в ней конструкторами, инженерами, монтажниками. Тут не только Нить не проскользнет, космическая волна с большим трудом преодолеет окружающие станцию защитные поля и вот этот антирадиационный монолит.

Так утверждали глаза, но протянутая рука опровергала достоверность виденного. Иллюзия, сотворенная настолько ловко, что поневоле возникало чувство обиды – кто не пожалел сил, чтобы возвращенный по имени Минотавр стоял перед открывшимся проходом, мучительно соображая даже не о том, куда исчезла Нить, а сколько подобных иллюзий он принял за нечто достоверное, не пытаясь ни разу свернуть с путей, которыми водил его ловкач Вергилий.

– Ну, ты что? – Нить возникла из переборки, словно обрезанная напополам, но тем самым еще больше нанося ущерб иллюзии, и Минотавр окончательно проник в нехитрую механику чуда, где задняя стена прохода, облитая пятнистой краской, сливалась с краями переборок, и там крылось отверстие. – Сюда! За мной!

Минотавр протянул ручища, сгреб ее за плечи, притянул, и как можно свирепее прорычал в лицо:

– Куда ты меня ведешь?!

Он понимал – вряд ли она испугается, не на ту напал, да и не страха Минотавр добивался, а желал показать бедовому отпрыску – недооцениваешь, с кем имеешь дело, любые шуточки и штучки будут немедленно пресекаться им, Минотавром, который таких, как она, на обед щелкает как устриц.

– В отсек номер четыре, – показала Нить. Минотавр отодвинул ее в сторону и шагнул к массивному люку. Но прежде чем толкнуть его, спросил:

– Что там? Очередная каверза? Дурацкая шуточка? Учти, я шкуру спускаю тем, кто пытается меня обмануть!

– Даже Вергилию? – как можно беззаботнее поинтересовалась Нить, тем самым уев Минотавра, и ему осталось скривить рот в усмешке, мол, доберутся руки и до лоцмана, после чего толкнуть люк.

12. Четвертый отсек

То, что он узрел, заставило позабыть о Нити, о своих обещаниях, о злости на Вергилия, и вообще обо всем, что с ним произошло после возвращения. Он стоял на пороге невообразимо огромного... – отсеком и не назвать. Подобное или близкое размером вместительное вопиющим образом противоречило конструкционным стандартам космических станций – в нештатной ситуации герметизация подобных объемов невозможна. Те, кто в них оказывался, обречен пасть жертвой шальных метеоритов, случайного столкновения и миллиона иных событий, на которые столь изобретателен космос. Минотавр стоял у распахнутого люка и тщился разобраться в открывшейся картине. Жалкий обрывок памяти пасовал подыскать более адекватный термин для огромной емкости, нежели «отсек». Первое, что всплыло в глаза, как наиболее знакомая в его теперешнем состоянии деталь, так это ряды и ярусы гамаков. В каждом лежали возвращенные, что, учитывая бортовое время, не должно вызывать удивления, если бы не количество гамаков, а следовательно, и количество возвращенных, их занимавших. Их бесконечные ряды, словно слагаемые функционального ряда, чья сумма, будь она исчислена, даст точный эквивалент той живой функции, которую подвергли разложению.

Не утонул ли он, Минотавр, в очередной иллюзии ловкой системы отражений? Она зеркалами увеличивала до невероятных размеров вполне себе скромный кубрик с теми, кто, в отличие от него, не поддавался на призыв отпрыска прервать сон и отправиться неведомо куда неведомо с какой целью. Но он движением руки отогнал подобную мысль, сложно вообразить – кто мог затратить столько усилий и пойти на столько ухищрений ради создания подобной иллюзии. Неизвестно, сколько бы он стоял на пороге, разглядывая таинственное пристанище, если бы Нить вновь не возникла почти чудесным образом перед Минотавром. Она помахала руками, привлекая внимание, и сделала движение, какие делают в обучающих фильмах дежурные стартово-посадочных площадок, указуя капсулам место приземления.

– Они мне напоминают разбитые корабли, примары их собирают на поверхности Венеры, – прошептала Нить, и вновь Минотавр ничего не понял – что за корабли, какие примары и какое отношение они имеют к Венере?

Ничего не оставалось, как вновь подчиниться Нити, она привела его сюда, а теперь намеревалась указать, зачем они здесь. Двинулись вдоль гамаков. Над лежащими висели, издавая низкое ровное гудение, непонятные устройства, похожие на асимметричные коконы, в каких обычно вызревало потомство пузырчатых пауков. Из покрытых изморозью оболочек торчали крючья охладителей, а внутри словно и впрямь таилось нечто живое, ритмично сотрясавшее коконы. Их вид Минотавру не понравился. Они казались ему паразитами, вытягивающими из спящих ночные видения. Он даже безуспешно попытался рассмотреть – не тянутся ли из крючковых мешков тончайшие нити, физически соединяя головы лежащих в гамаках с коконами.

– Что происходит? – спросил Минотавр у шагающей впереди Нити, хотя и не ожидая ответа, уверенный – она привела его сюда, но знает не больше его самого.

– Восстановление полноты, – сказала Нить. – Коэффициенты членов ряда разложения твоей личности.

– Не понимаю, – сказал Минотавр.

Нить хихикнула, резко повернулась к нему, и Минотавр опять ощутил себя крошечным по сравнению с колоссальным существом, нагнувшись к нему так, словно пытаюсь разглядеть икринку у своих ног.

– Тебе следует встретиться с Шутом, он объяснит лучше. – Иллюзия исчезла так же, как и возникла, Нить приняла обычные размеры.

– Обязательно, – пообещал Минотавр. – Как только встречу. Но зачем мы здесь?

– Ты должен успеть ее извлечь, – бросила Нить через плечо. – Он идет сюда.

– Кого спасти? Кто идет? – Минотавр внимательно осмотрелся, но не заметил никого между рядами спящих, кто бы подавал признаки бодрствования.

– Не спрашивай о том, о чем и так узнаешь. – Нить развернулась к нему и теперь двигалась спиной вперед, отчего Минотавр замедлил шаг, но она нетерпеливо замахала. – Сюда, сюда! Вот она.

Спящая ничем не отличалась от сотен, а может, и тысяч других, что размещались в отсеке. В соседнем гамаке спал мужчина в потрепанной одежде, с комбинезона сорвали отличительные шевроны, причем так неряшливо, что из ткани торчали нити. Еще дальше располагалась тощая личность, чьи худые ноги не умещались в гамаке, а потому свисали за его край, касаясь пола.

Если не обращать внимание на необычную штуку, почти касавшуюся головы той, на кого указывала Нить, жужжа и отрывая, будто проглатывала что-то невидимое, но весьма сытное, в ней не обнаруживалось ничего выдающегося – голый череп, круглое лицо, темная кожа, бисеринки на висках. Тело скрывалось натянутой до подбородка простыней, и было весьма крупным. Минотавр заметил нечто, что поначалу показалось обманом зрения, но, присмотревшись, убедился – над широким лбом спящей густилось полупрозрачное облачко.

Минотавр потянулся пальцем дотронуться до облачка, но ладонь Нити легла на запястье.

– Нельзя, – сказала она. – Слушай. Можно только слушать.

Минотавр наклонился ближе к спящей, губы ее шевельнулись:

– Телониус... ты меня слышишь... Телониус...

– Да, слышу, – ответил Минотавр, хотя и не имел представления – кто такой – неведомый ему Телониус.

– Запустение и разруха, Телониус, – продолжила спящая. Хоть ее губы и произносили слышимые им слова, но казалось, что тот, кто их по-настоящему говорил, находился далеко-далеко отсюда. Спящая – лишь передатчик, связующая нить через бездну. – Все пришло в упадок с тех пор, как ты ушел... Ариадна ждет тебя, Телониус... Ты слышишь меня... где ты?

Иду, иду, убить хочу! Иду, иду, убить хочу!

Минотавру показалось, будто это Нить бормотала жутковатую считалочку – назойливо, надоедливо, заглушая произносимое спящей. Он наклонился ниже, слуховое отверстие у губ:

– Возвращайся во что бы то ни стало, Телониус... где бы не находился... Венера ждет... проект гибнет, Телониус...

– Иду, иду, память стереть хочу! Иду, иду, память стереть хочу!

13. Харон обратно не перевозит

Минотавр зарычал от бешенства. Бездна поглотила эту Нить! Зачем вообще сюда притащила, издеваться дурацкими стишками?! Он выпрямился, стиснул кулаки, но отпрыска перед собой не увидел. То, что громоздилось перед ним, не относилось к живым существам. Упакованное в бронь тело со множеством сочленений и темными подпалинами – то ли ржавчины, то ли следов огнемета, башка, по ней в беспорядке разбросаны буркала, будто кто-то втиснул их в бесформенный кусок теста. Заодно, не слишком сообразуясь с функциональной необходимостью, прорезал парочку отверстий, которые играли роль источников звуков, издаваемых существом. Башка шевелилась, казалось, внутри находилось нечто, чему в ней тесно, и оно пыталось вырваться, отчего там и тут возникали шишки, а буркала съезжались и разъезжались. Правый рот шевельнулся:

– Иду, иду, стереть хочу...

Левое отверстие вторило:

– Иду, иду, стереть хочу...

– Ты кто, урод? – как можно вежливее поинтересовался Минотавр. Он, несмотря на отвратительный вид башки, испытывал к чудовищу невольное уважение, какое может испытывать не обделенный силой к достойному его габаритов существу. Ответа он не ожидал, но буркала чудища съехались, усталились на Минотавра, а правый рот сказал:

– Харон...

Левый уточнил:

– Забвение дарующий... – На этих словах Харон, забвение дарующий, приподнял верхние конечности и щелкнул ножницами, заменявшими ему пальцы. Выглядело угрожающе, и будь на месте Минотавра кто другой, он несомненно бы отступил, позволив существу заниматься порученным делом. Такое создание вряд ли действует в Санаториуме по собственному произволению.

– Даже у бога... – сказала правое ротовое отверстие.

– Есть то... – сказала левое ротовое отверстие.

– Что ему...

– Лучше забыть...

– Чистим память...

– Чистим совесть...

– Сосредоточение...

– На главном...

Но Минотавр отступать не собирался. То, что он оказался здесь и сейчас, хоть и могло быть списано на случайность, но не допускало возможности оставить беззащитное существо в полном распоряжении чудища. Харон, щелкая ножницами, судя по всему, собирался заодно припугнуть Минотавра, дабы тот не мешал предстоящей чистке памяти и совести, но Минотавр никому не спускал угроз собственной персоне. В груди сделалось настолько горячо, что ему показалось, будто из ноздрей пошел пар. Не вступая в дальнейшие пререкания, он схватил чудовище за конечности, гибкие, будто заправочные шланги, и ловко завязал космическим узлом.

Харон ничего подобного не ожидал, сопротивление оказать не успел и замер в нелепой позе, половину буркал обратив на связанные конечности, а другую – на Минотавра. Обе его пасти обвисли, он силился что-то сказать, возможно – опротестовать совершенное над ним насилие, поскольку ничего предосудительного он, Харон, не замышлял, а всего лишь выполнял порученное ему инстанциями Санаториума дело. Минотавр, предположив, что для подоб-

ных случаев Харон имеет систему экстренной сигнализации о творимых беспорядках, стиснул кулак и обрушил его на темя чудища.

Харон осел, обмяк, и если бы Минотавр не придержал его, то с грохотом обрушился бы на поёлы. Вполне вероятно, на шум никто бы не обратил внимания, но рисковать не следовало. Возникшая ниоткуда Нить захлопала в ладоши, выказывая Минотавру горячее одобрение.

– Знаешь, что за урод? – спросил Минотавр, ощущая слабые уколы возможной неправомерности нанесенного Харону ущерба. Он сейчас находился при исполнении, но, возможно, вне рамок столь сомнительных обязанностей представлял собой существо вполне безобидное и приятное в общении.

– Знаю. – Нить присела над Хароном и потрогала пальчиком ножницы. Те угрожающе щелкнули. – Это чистильщик. Пресекает жизненные нити тех, кто не нужен.

– Чистильщик, – задумчиво повторил Минотавр, – пресекает жизненные нити тех, кто не нужен. То есть убивает?

– Отстригает, – поправила Нить и показала пальцами – чик-чик. Лишний элемент ряда Фурье. Тензор. Полиномиальная функция, в которую загружается функция и получается полином. Понимаешь?

Минотавр взял спящую под плечи и ноги, вынул из гамака, поднатужился и перекинул через плечо, не смущаясь, что она стала похожа на тритона, каких первобытные выживали из болот и притаскивали в пещеры. Но, учитывая опасность, от которой Минотавр ее избавил, спящая могла и потерпеть столь неподобающую позу. Минотавр сделал несколько шагов, принаравливаясь к ноше, но тут его окликнула Нить:

– Надо забрать и это. – Она похлопала по свисающей с потолка штуковине.

Минотавр оскалился:

– Я все сразу не утащу. Оставим до следующей прогулки.

Нить выпрямилась и исчезла. Минотавр даже моргнул – будто голопроектор выключили. Покачал головой, повернулся продолжить путь и чуть не столкнулся с ней, перегородившей ему путь.

– Это нужно забрать, – повторила она. – Это очень важно, понимаешь? Очень! Или... или я буду кричать! – Она разинула рот и издала пронзительный крик, до того неприятный, что Минотавр испугался. Не того, что операцию по спасению спящей от ножниц эвтаназера прервет набежавший персонал Санаториума, сколько того, что не выдержит сам и заставит Нить замолчать тем же способом, каким избавился от Харона. Тащить на себе два тела, да еще и ту штуку – непосильно даже для него.

Но прежде чем Минотавр что-то предпринял, Нить ловко вскочила на гамак, невозможным способом удержала равновесие, подскочила и повисла на штуковине. Плотно обхватив ее руками и ногами, Нить висела на ней, будто дивное насекомое на цветочном стручке. Или паразит на куколке, уточнил про себя Минотавр, вздохнул глубже, поудобнее устроил перекинутое через плечо тело, но не успел сделать и шаг к Нити, как что-то треснуло, и стручок вместе с ней удачно свалился сначала на гамак, он сыграл роль амортизатора, а затем, оборвав и его, на поёлы. Звук падения оказался на удивление мягким, почти бесшумным. Может потому, что Нить оказалась под стручком, собственным телом предохранив его от повреждения.

– Со мной всё в порядке, – прогундосила она из-под стручка, без жестикуляции слова различались с трудом. – Только встать не могу... придавило...

Минотавр ухватился за стручок и рывком водрузил его на свободное плечо. На поверку он оказался не тяжелее спящей, но в общем вес получился достаточным, чтобы на мгновение ощутить в коленях слабость. Нить, почувствовав это, тут же оказалась на ногах, подскочила к Минотавру, обхватила его за талию, дернула, пытаясь приподнять. Несмотря на столь слабое усилие – а что еще ожидать от отпрыска? – Минотавр вдруг понял: ему по силам не только

удерживать взятую ношу, но и сделать шаг, за ним второй, и далее – по проходу между гамаками к распахнутой диафрагме люка.

– Вот и славно, – сказал он и пошел за Нитью. Она вприпрыжку неслась прочь из отсека, словно забыла о Минотавре.

Книга IV. Лапута

1. Тритон

«Тритон», похожий на неповоротливую болотную ящерицу, скорее всего именно по этой причине и получивший подобное прозвище взамен конструкторского буквенно-цифрового сочетания, не мог тягаться с перехватчиком класса «гидра». Ни в скорости, ни в маневренности, ни даже в умении того, кто им управлял. За консолью «тритона» расположился Минотавр, если до гибели имевший навыки высшего космического пилотажа, то после Феодоровского процесса их утративший. Краткий курс астероидного рудоеда ничем помочь не мог. «Гидрой», хоть и дистанционно, управлял специалист Санаториума, натренированный на перехваты, не раз их проводивший. Вряд ли Минотавр – первый, кому удалось угнать подобную посудину.

Но единственное, чего не знала «гидра», а вернее – ее пилот, это то, что целью воскрешенного, столь грубо пренебрегшего правилами постфеодоровской реабилитации, запрещающими покидать Санаториум и предписывающими трудотерапию на отдаленных планетоидах, была отнюдь не Европа, а Венера. Это делало «тритона», обладавшего движителями Кузнецца, идеальным средством для бегства. Главное, что требовалось Минотавру, – достичь скорости зажигания и перейти на крейсерский режим, и никакая «гидра» уже не страшна. Хотя у него всплывала мысль, будто оператор «гидры» догадывается о его истинном намерении, а потому совершает маневры многорукой коллоидной тварью, не давая развить стартовую скорость. Минотавру нужно либо стряхнуть с себя назойливую «гидру», либо привести в негодность, понимая, что нервный контакт пилота и машины при ее гибели или серьезном повреждении вызовет у того болевой шок, способный привести к смерти.

И еще Минотавра беспокоило то, что он не мог визуально ориентироваться в пространстве, по всем направлениям царил беспросветная тьма без единого намека не то что на далекую звезду, но и на родной планетоид, хотя приборы «тритона» говорили, что он в пределах досягаемости. Где бы Минотавр не выбрасывал отростки визуальных приемников, перед ним оказывалась все та же чернота. Словно некто обернул угнанный корабль плотной материей, что, в общем-то, могло оказаться правдой – охранные системы Санаториума наверняка способны схлопнуть вокруг «тритона» защитное поле щадящего класса, исключительно для психологического воздействия на беглеца-воскрешенного. В возбужденном состоянии ему не до тонкостей и навыков ведения корабля по приборам, только голубой шар планетоида влек к себе, как влечет угрей море водорослей. Минотавр не обращал внимания на погруженных в ложементы пассажиров, сосредоточившись на приборах, как мог сам себя сдерживал, но руки его, по локоть в управляющей консоли, время от времени непроизвольно дергались. И «тритон» делал резкие качки по тангажу, отчего по водяному пузырю прокатывались сгущения такой плотности, что чуть не выталкивали беглеца с места пилота.

Минотавр рычал, с трудом возвращая корабль на разгонную траекторию. Несколько раз это почти удавалось. Скорость почти достигла зажигания и на панели всплыл огонек, предупреждая о запуске движителей Кузнецца и последующем гидравлическом ударе. Оператор «гидры» наконец-то сообразил, что цель возвращенцев отнюдь не голубой планетоид и маневренной коллоидной капле со стрекательными щупальцами не догнать «тритона», совершающего нырок. Он предпринял рискованный маневр резкого сближения, намереваясь обхватить беглеца щупальцами, принуждая нарушить протокол разгона. Самое неприятное – он его нарушил, но механизм торможения не сработал, отчего в «тритоне» возникла чудовищная по силе компрессионная волна, гораздо более мощная, чем при зажигании. Защитные коконы беглецов не сработали, и когда «тритона» погрузили обратно в стартовый колодец, вскрытие ничего

внутри корабля не обнаружило. Тела в нем превратились в мельчайшую биологическую взвесь, равномерно перемешанную между собой и распределенную по всему водяному объему.

– Путь из Санаториума лежит через сознание бога, – сказал Минотавру Вергилий, и чудовищу не показалось необычным, что лоцман по адским безднам оказался здесь же, в водяном пузыре «тритона». На сверхкритических перегрузках пилоту чудилось и не такое. Например, как светило вдруг распухает, его свечение ослабляется, прорезается карамельным разноцветием удивительных полос, и где-то среди них расплывается огромное красное пятно, его так и хочется лизнуть. Минотавр оскалится от столь безумного ведения, но метаморфоз светила на этом не завершился. Огромный водородный шар, лишенный огня, обрел лик. Тот пристально посмотрел на беглеца, качнулся, набычился, и Минотавр узрел, как во лбу распахивается зеленоватая дыра, червоточина, туда и должно направить «тритона», если только он желает оторваться от преследующей их «гидры». То, что это всего лишь видение, вызванное гидравлическим ударом, Минотавра нисколько не заботило, как не вызвало удивления, что рядом возник Вергилий, в последний раз указующий подопечному путь в лабиринте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.